

Алексей Евтушенко

Под колесами – звезды

«Автор»

Евтушенко А. А.

Под колесами – звезды / А. А. Евтушенко — «Автор»,

Егор Хорунжий в глубине души уже давно поставил на себе крест. И уж точно никогда не мечтал о встрече с представителями, точнее, с прекрасными представительницами внеземного разума. Однако судьба подчас преподносит самые неожиданные сюрпризы. Все началось с того, что однажды утром его старая-престарая убитая «копейка» вдруг засверкала новой краской, гордо заурчала неизношенным движком, да еще и заговорила человеческим голосом...

© Евтушенко А. А.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвёртая	18
Глава пятая	23
Глава шестая	28
Глава седьмая	34
Глава восьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексей Анатольевич Евтушенко

Под колёсами – звёзды

*«Чтобы не пришлось любимой плакать, крепче за баранку
держишь, шофёр!»
/популярная песня 60-х годов/*

Глава первая

Егор Хорунжий, грустный и пьяный, сидел на покосившемся деревянном крыльце собственного дома и думал трудную думу. Влажная весенняя ночь до краёв заполняла собой двор, будто охраняя собой ни в чём не повинный остальной мир от горьких Егоровых дум. Пару часов назад прошёл обильный дождь, но теперь небо очистилось, и майские запахи земли, травы, молодой листвы и сирени с терпеливой настойчивостью пытались напомнить Егору о том, что давно пришла весна – время совершенно не приспособленное для хандры, сплина, пьяной, а также обычной русской тоски и прочих депрессий.

Всё напрасно.

Егор, он же (очень редко) Егор Петрович, он же Егорка, Игорь и даже иногда Гоша и просто Хорунжий всерьёз вознамерился сполна восплакать над своей окончательно погубленной, как он считал, жизнью, и столкнуть его с этого неверного пути не могла ни восхитительная ночь с чудным звёздным небом, ни все весенние запахи земли вместе взятые. Тем более, что рядом, на чуть влажных досках крыльца, имели место быть уже ополовиненная бутылка водки, старый добрый гранёный стакан, два солёных огурца на шербатом блюдецке и две бутылки пива «Балтика» № 3, одна из которых была уже на две трети пуста, а вторая смиренно ожидала своей очереди. Сей запас (в холодильнике лежали ещё четыре бутылки того же пива и чекушка водки) обеспечивал его обладателю вполне надёжный тыл и позволяло ему безнаказанно предаваться нетрезвым и самоуничижительным размышлениям.

Жизнь, как уже и было сказано, считалась на данный момент погубленной полностью и безвозвратно.

– Мне тридцать пять лет! – словно какой-нибудь, прости Господи, чеховский герой, возвестил трагическим шёпотом Егор в чёрную, пахнущую сиренью, пустоту двора. – Ну, пусть почти тридцать пять. А что я в этой жизни сделал и чего я, милостивые государи, достиг? Я вам скажу. – Он не глядя нашарил бутылку и стакан, плеснул водки, выпил и хрипло выдохнул, – Ни-че-го.

Двор безмолвствовал.

Впрочем, надо заметить, что на чеховского героя Егор Петрович Хорунжий не был похож совершенно. Имеется в виду, конечно, типичный интеллигентный чеховский герой, а не те урядники, чиновники всех мастей, фельдшеры, мещане, крестьяне, купцы, помещики и прочие мелкие персонажи во множестве населяющие прозу Антона Павловича. Начнём с того, что Егора Хорунжего никак нельзя было назвать человеком интеллигентным в полном смысле этого слова, в то время как типичный чеховский герой интеллигентом быть просто обязан. То есть какое-то образование Егор в своё время получил, окончив после школы и армии четыре курса художественно-графического факультета педагогического института города Ростова-на-Дону и, соответственно, почти заимев диплом учителя рисования, но, согласитесь, для того, чтобы стать по-настоящему интеллигентным человеком, этого отнюдь не достаточно.

Настоящая русская интеллигентность, как известно, предполагает не только глубокое и всестороннее образование и высокую общую культуру, но и некую, так сказать, генетическую базу.

То есть, если твои мама и папа, а также дедушки и бабушки пахали землю или, скажем, стояли у станка, то истинным русским интеллигентом тебе всё равно, как ни бейся, не стать. Да и не только русским. Помните, чем закончились подобные попытки главного героя романа Джека Лондона «Мартин Иден»? То-то. А у Егора Петровича Хорунжего по отцовской линии вплоть до прапрадедушки все предки были донскими казаками, по материнской же... Впрочем, предков своих по материнской линии Егор Хорунжий не знал вовсе, ибо мать уехала домой на Украину, когда ему только-только исполнилось одиннадцать лет, и с тех пор Егорка её не разу не видел.

Правда, высшее образование (и тоже педагогическое – она преподавала в школе математику) у мамы было, так что при большом желании он мог считать себя интеллигентом во втором поколении.

Подобного желания, однако, у Егора никогда не возникало. Читал он, правда, много и с удовольствием, но совершенно бессистемно и, в общем-то, нерегулярно. Да и окружение его, ближайшие друзья, товарищи и просто знакомые отнюдь не блистали высокой культурой, а также глубокими и всесторонними познаниями, хотя люди, в большинстве своём, были образованные, и среди них даже попадались представители так называемых творческих профессий – художники и литераторы. Но кто сказал, что художник и, тем более, литератор должен обязательно быть интеллигентом? Во все это не обязательно, а иногда даже и вредно для творческого человека, потому как стесняет его творческую свободу и мешает непосредственному созданию художественного образа.

Внешне Егор Хорунжий тоже на интеллигента никак не походил. Во-первых, по причине более чем стопроцентного зрения он не носил очков (разве что солнечные летом, но это не считается), и во взгляде его серых глаз чаще читалась природная бесшабашность пополам с южным нахальством, нежели интеллигентская мягкость и воспитанный ум. Во-вторых, Господь не обидел Егора гренадерским (метр восемьдесят семь) ростом и широкими плечами и, хотя был он худ и довольно костляв, но прямая осанка, длинные большие руки, а также копна густых светло-русых волос в сочетании с твёрдым подбородком и лихо подкрученных вверх усами давали возможность заподозрить в нём кого угодно, но только не человека, вззирающего на мир сквозь призму врождённой, а также благоприобретённой интеллигентности. Ну и, наконец, речь. Быстрая и громкая, с ярко выраженным фрикативным южнорусским «г», речь Егора, конечно, не была речью малообразованного, а то и вовсе неграмотного обитателя хулиганской ростовской улицы, но и назвать её высококультурной русской речью по всем признакам не представлялось возможным.

Нет, чеховским героем Егор Хорунжий не был. А был он на данный момент не очень удачливым художником-керамистом тридцати четырёх полных лет, сидящим весенней ночью в состоянии средней тяжести алкогольного опьянения на крыльце собственного дома. Неженатым и одиноким.

Скрипнула за спиной дверь – это кот по имени Тихон вышел на свою ночную прогулку.
– Тишка, Тишуня! – позвал Егор, протягивая руку, чтобы погладить серого любимца.

Кот, однако, хозяйских пьяных ласк не терпел, а посему, ткнувшись из вежливости тёплой мордой в Егоровы пальцы, призывно мяукнул и канул во влажную тьму двора.

– И ты, Брут, – горько констатировал Егор, налил в стакан водки и выпил.

Во двор осторожно пробрался довольно прохладный ветерок, как бы напоминая, что ещё не лето и пора перебираться в дом, но художник не внял предупреждению. Он размышлял.

Собственно, размышлениями это было назвать трудно – так, лёгкая буря псевдоэмоций в остатках разума, ещё не полностью дезориентированного действием алкоголя, рождающая

всегда одно и то же: острую жалость к себе, обожаемому и несправедливо жизнью и нехорошими людьми обиженному. Надо отдать должное, что кое в чём Егор был всё-таки прав. Судьба действительно обошлась с ним довольно жёстко, в детстве лишив его матери, десять лет назад отца, который погиб в автомобильной катастрофе и, наконец, полгода назад отнявшей у него последнего близкого и родного человека – бабушку Полину.

На самом деле именно бабушке Полине Егор был обязан тем, что вырос пусть и довольно безалаберным, но, в целом, хорошим человеком.

Отцу, вечно занятому собой и добыванием денег для семьи, было некогда заниматься сыном, так что бабушка Полина успешно заменила Егору родителей, дав ему не только необходимую душевную теплоту и ласку, но и обучив многим сугубо практическим делам по хозяйству, начиная от умения пришить пуговицу к рубашке и заканчивая искусством выращивания картошки и помидоров на огороде. Уже потом все бабушкины старания намертво закрепила советская армия, в мотострелковых войсках которой Егор честно прослужил все положенные два года. Так что теперь, когда он остался один, его ангел-хранитель не испытывал слишком большого беспокойства по поводу каждодневного бытия своего подопечного, зная, что тот вполне самостоятелен для того, чтобы по крайней мере выжить в этом несовершенном мире.

– Тридцать пять лет! – громко вздохнул Егор, от полноты чувств выпил ещё водки, запил её пивом и полез в нагрудный карман за сигаретой.

Сигарета из пачки вылезать никак не хотела, но художник сосредоточился и всё-таки одержал победу над упрямым изделием ростовской табачной фабрики.

Вспыхнула спичка, и желтоватый неверный свет лизнул бок старенького «жигулёнка», присевшего на все четыре колеса в метре от крыльца.

«Бедная машина, – невпопад подумал Егор и прикурил, – бедный я!»

Следует заметить, что некоторые основания оплакивать пьяными слезами свою жизнь у Егора Хорунжего были. И пусть не всю жизнь, а только последние пару-тройку лет, но сие сути не меняет, поскольку прошлые заслуги человека – это хоть и заслуги, но именно ПРОШЛЫЕ, а человек живёт в настоящем и, если он достаточно честен перед самим собой, то судит о себе по своему сегодняшнему, а не вчерашнему состоянию. А состояние на сегодняшний день было у Егора Петровича Хорунжего, прямо скажем, не ахти какое. Плохое, прямо скажем, было состояние.

Начать с того, что давно и стабильно отсутствовали деньги.

Нет, какие-то деньги время от времени появлялись, но их едва хватало на еду и выпивку, редко – на самую необходимую одежду, а уж о большем можно было только мечтать. Но мечтать хорошо, когда тебе двадцать – двадцать пять лет, после же тридцати нереализованные мечты зачастую превращаются во всевозможные комплексы неполноценности. Впрочем, для каких бы то ни было комплексов у Егора Хорунжего была слишком здоровая психика, но всё равно, когда он видел своих преуспевающих, уверенных в себе ровесников, то невольно сравнивал их жизнь с собственной и с горечью отмечал, что сравнение отнюдь не в его пользу. Разумеется, вокруг было немало и тех, чья жизнь не удалась в гораздо большей степени, чем жизнь Егора. Но зачем равняться на худших, когда есть лучшие?

Равняться, однако, было трудно.

Всё дело в том, что у художника-керамиста Егора Хорунжего напрочь отсутствовала дяляческая жилка, которая только и превращает в наше время простого индивидуума в индивидуума преуспевающего. С другой стороны он и не обладал настолько могучим талантом художника, чтобы суметь запереться в башне из слоновой кости и там свободно творить, послав к чертям весь окружающий мир с его суетой и вечной жаждой наживы.

Способности у Егора, несомненно, были. И способности большие. Однако русская природная лень и пресловутые обстоятельства не дали этим способностям развиваться в нечто выда-

ющееся, и получилось, что к тридцати пяти годам Егор Хорунжий стал очень хорошим, но всё-таки ремесленником, в потаённом уголке души которого, правда, всё ещё прятался художник.

Он допил водку, закусил огурцом, запил всё пивом и закурил новую сигарету.

Опьянение сделало своё дело.

Глухая тоска наконец-то чудесным образом преобразилась в ожидание чего-то светлого и хорошего, что непременно случится если и не сию же секунду, то уж завтра обязательно. Правда при этом сильно путались остатки мыслей и никак не удавалось сообразить во что же именно должно материально воплотиться это самое светлое и хорошее, но это было уже не важно. Главное, что всё будет хорошо! Ведь пиво пока не кончилось, водка тоже, а тридцать пять лет совсем не тот возраст, когда человек, а тем более художник! уже ничего не может изменить в своей судьбе. Да! Буквально с завтрашнего же дня Егор Петрович Хорунжий, милостивые государи, решительно меняет образ жизни и... берегись судьба-злодейка! Он ещё всем покажет, на что способен!

Егор поднял пьяную голову к ночному небу, словно желая бросить ему вызов, и тут же узрел падающую звезду. Звезда была большая, яркая и падала как-то слишком медленно. «Пусть всё получится!» – успел загадать он, прежде чем сообразил, что звезда падает не куда-нибудь, а непосредственно к нему во двор. А точнее – ему на голову.

– ... твою мать!! – заорал перепуганный художник, вскочил и, не помня себя, кинулся бежать со двора.

Однако изрядное количество водки с пивом, принятые в течении вечера внутрь, подвели Егора. Одна нога зацепилась за другую, и он грянулся оземь с крыльца во весь свой стовосьмидесятисемисантиметровый рост.

Глава вторая

Пробуждение было трудным, но необходимым – тело настоятельно требовало посещения туалета. Кое как разлепив глаза, Егор обнаружил себя в доме, лежащим ничком на собственном диване без рубашки и ботинок, но в джинсах и носках.

– Опять нажрался вчера, зараза, – констатировал он и попытался сесть.

Попытка удалась.

Теперь нужно было встать, набросить что-нибудь на плечи, сунуть ноги в старые растоптанные туфли и выйти на воздух, потому что туалет находился во дворе. Впрочем, процедура была привычной и, уже возвращаясь к дому, Егор к собственному удивлению обнаружил, что утро тёплое и солнечное, небо синее, а желудок требует пищи.

Ни хрена себе! – удивился он про себя и даже остановился, поражённый этим открытием. Такого с ним наутро после обильных возлияний давно не случалось. Обычно организм требовал срочной опохмелки, с отвращением отказываясь от какой бы то ни было твёрдой пищи.

Это я ещё, наверное, не протрезвел, неуверенно предположил Егор, взглянув на часы, которые показывали девять утра, и внимательно прислушался к себе.

Немного побаливала голова и хотелось пить, но, почему-то, не пива, а обычной холодной колодезной воды.

Егоров дом был подключён к городской водопроводной сети, однако во дворе имелся и колодец, вырытый ещё дедом Егора в те времена, когда водопровод был недоступной роскошью для владельцев частных домов данного района города. Вода в колодце неизменно оставалась чистой, холодной и удивительно вкусной, поэтому водопроводом Егор пользовался исключительно для стирки, уборки и помывки, а воду для приготовления пищи всегда старался брать из дедовского колодца.

Колодезный сруб размещался между туалетом и баней, возле большой старой черешни, и Егору пришлось вернуться от крыльца назад.

Скрипнул ворот, мягое двенадцатилитровое ведро на цепи легко пошло вниз, с плеском черпануло воду, наполнилось... и вот уже нужно приложить немалое усилие, чтобы вытащить его из тёмной прохладной глубины на свет божий.

Этот процесс всегда доставлял Егору удовольствие. Было в нём что-то древнее, неизменное и надёжное, как сама земля под ногами и небо над головой.

Напившись, он, повинувшись безотчётному порыву, вдруг скинул в молодую траву старый армейский китель, который перед выходом набросил в доме на голые плечи, снял джинсы и трусы и, задержав дыхание, вылил одним махом на себя полное ведро ледяной чистейшей влаги.

Крякнул, зачерпнул второе ведро и повторил процедуру.

Стало хорошо, но есть захотелось ещё сильнее. Егор натянул трусы, подхватил остальную одежду и вернулся в дом.

В доме пахло давно не мытыми полами, пылью, перегаром и застарелым табачным дымом.

– А вот хрен вам! – громко решил хозяин, растираясь полотенцем, после чего распахнул во всех трёх комнатах и на кухне окна и принялся сооружать себе плотный завтрак.

В холодильнике, как ни странно, оказался пяток яиц, не сильно пожилая обезжиренная колбаса и остатки маргарина. Обычно Егор не употреблял яичницу по утрам, но сейчас есть хотелось буквально зверски, и он, брезгливо покосившись на оставшееся пиво и чекушку водки, вытащил продукты из холодильника и поставил сковородку на огонь.

После холодного обливания и обильной еды снова потянуло в сон. На сегодняшний день Егор всё равно никаких дел не планировал и поэтому, подчиняясь требованию организма, раз-

ложил диван. Постелил постель, лёг и на ближайšie два часа утратил всякую связь с окружающей его действительностью.

Вторично за это утро он пробудился, когда подаренный другом Володькой Четвертаким три года назад «Ориент» на его руке показывал без четверти двенадцать.

Прежде чем подняться, Егор внимательно оценил своё состояние. Всё оказалось в полном порядке. Голова не болела и вообще не ощущалось ни малейших признаков похмелья. Он стал вспоминать и пришёл к выводу, что последний раз организм вёл себя подобным образом лет, эдак, девять-десять назад, не меньше.

– То ли водка случайно попала настоящая, то ли день сегодня такой... благоприятный, – предположил вслух Егор, так и не сумев найти никакой иной более конкретной причины своему хорошему самочувствию. – Ну, раз так...

Он поднялся, оделся, убрал постель и включил на полную громкость транзистор «Океан», который неизменно был у него настроен на радио «Маяк», и, сам себе удивляясь, принялся за уборку.

Грязи в доме за последний месяц накопилось прилично, но решимость плюс энергия победили, и через два часа пыль исчезла, вымытые полы заблестели, а в прихожей образовались два вместительных пластиковых мешка, один из которых доверху был набит разнообразнейшим мусором, а второй – пятьюдесятью двумя пустыми пивными и водочными бутылками. Егор ухватил мешки за края, пятясь, выволок их на крыльцо и удовлетворённо закурил. Теперь предстояло оттащить мусорный мешок к мусорным контейнерам, которые располагались на другой стороне улицы, в квартале от его дома. Это уже были сущие пустяки, и ничего не мешало постоять, а то и посидеть на сухом, нагретом весенним солнышком деревянном крыльце собственного, только что чисто убранного дома и с наслаждением выкурить сигарету, ощущая себя хозяином не только вышеупомянутого дома, но также города и мира.

Он курил, оглядывая знакомый до камушка двор и привычно отмечая то, что давно необходимо сделать по хозяйству. Теперь, после благополучно завершённой уборки, он искренне верил, что с сегодняшнего дня действительно начинается – уже начал! – новую жизнь, как и обещал себе, пьяному, вчера. Кстати, а что было вчера? Он отчётливо помнил как сначала пил днём на набережной портвейн и пиво в компании друзей – художников, чьи мастерские располагались тут же, в бывших складах некогда знаменитого дореволюционного купца Парамонова. Потом он пошёл домой, по дороге прихватив, опять же, пива и водки. Дома, разумеется, продолжил уже в одиночку... Нет, решительно не вырисовывалась не только концовка довольно отвратительного вчерашнего дня, но даже его середина. Например, отчего он так сравнительно рано ушёл из «Ракушки», где они все сидели? Поссорился по пьянке с кем-то из приятелей? Вообще-то прецеденты бывали, но вчера, вроде всё было хорошо... Или нет? А во сколько он вырубился? Мысль о том, что с сегодняшнего дня непременно начнётся новая жизнь он помнил, но вот что происходило в голове и вокруг неё до этой мысли и сразу после... Ладно, ну его к лешему! В конце концов новая жизнь именно для того и начинается, чтобы забыть о старой. А если он кого вчера и обидел, то можно и извиниться. Не впервой. Да, во дворе, пожалуй, тоже нужно начать с генеральной уборки – вон сколько всякого хлама за зиму накопилось... И, кстати, со вторым мешком тоже нужно что-то придумать. Как-никак – это, хоть и не большие, но деньги, тем более, что во всём доме вряд ли наберётся и десять рублей по всем карманам. То есть, выбрасывать жалко. Но и тащить всю эту гору посуды чёрт знает куда на собственном горбу... Конечно, можно воспользоваться садовой тележкой, но это как-то... недостойно как-то это человека, твёрдо решившего – более того, начавшего! – жить по-новому. С другой стороны – какого чёрта?! В доме жрать нечего, а ему, видите ли, неудобно бутылки пустые на тачке к приёмному пункту отвезти! Чистоплюй хренов! Стоп, подумал он, ведь у меня же есть автомобиль, который ещё неделю назад, кажется, двигался...

Взгляд Егора переместился на машину.

Старая, ещё отцовская «копейка» образца 1974 года сияла на дневном солнце чисто вымытыми синими боками.

Чисто вымытыми...

– Это что же, я вчера машину умудрился помыть? – неизвестно у кого спросил Егор и, спустившись с крыльца, обошёл автомобиль кругом, производя внимательный наружный осмотр.

Этот ВАЗ-2101, как уже было говорено, достался Егору Хорунжему в наследство от отца, сошёл с конвейера в городе Тольятти в далёком 1974-м году и за свою долгую и многотрудную жизнь пробежал полмиллиона километров всего с одним капремонтом, который был сделан этому ветерану отечественной и автомобильной промышленности ровно десять лет назад. На сегодняшний день машина буквально разваливалась на части и едва дышала. Егор, в отличие от своего отца, отнюдь не был страстным автолюбителем, хотя сидеть за рулём автомобиля ему нравилось и он, в общем-то, имел понятие о том, как устроен двигатель внутреннего сгорания и даже мог при нужде произвести не очень серьёзный ремонт своему пожилому четырёхколёсному другу. Однако после смерти папы для Егора наступили трудные времена, а значит и для старенького «жигулёнка» тоже. Какое-то время машина, отлично отлаженная умелыми отцовскими руками, исправно доставляла нового хозяина в нужные места, но у Егора вечно не хватало денег на самые необходимые запчасти и, если бы не закадычный друг Володька Зубровин, бывший автогонщик и мастер на все руки, автомобиль давно можно было бы выбросить на свалку. Впрочем, на данный момент он был недалёк от этой печальной участи: вконец изношенные детали требовали уже не ремонта, а замены, хозяин же последний год только и делал, что выкарабкивался из очередного запоя с тем, чтобы впасть в следующий, и до машины, разумеется руки у него не доходили.

Обойдя «жигуль» кругом и в очередной раз с болью в сердце отметив грубую и длинную царапину на правом переднем крыле (не вписался по пьянке в ворота) и помятое заднее левое крыло (та же самая причина), Егор ощутил жалость к старой машине. Всё-таки я свинья, подумал он. Нельзя так обращаться с механизмом, верой и правдой прослужившим его семье и ему самому более четверти века. Завтра же хотя бы для начала клапана отрегулирую. Опять же бензонасос нужно менять срочно – вот-вот сдохнет окончательно. Колодки тормозные тоже... да и всё остальное... Ох, блин, где же денег напасть на всё это?! И к Вовке неудобно обращаться, и так я ему хрен знает сколько должен и деньгами, и просто... Но почему она такая чистая?

Он отчётливо помнил, что последний раз садился за руль ровно неделю назад. На улицах было тогда довольно слякотно и, конечно, помыть машину после поездки он так и не удосужился. Неужели он вчера всё-таки... Нет, ну конечно! Егор с облегчением хлопнул себя по лбу. Вчера же прошёл сильный дождь, который и смыл грязь, а он, возвращаясь домой в хорошем подпитии, этого, разумеется, не заметил, а сейчас, вот, протрезвел и сразу всё понял.

Ну хорошо, шепнул Егору внутренний голос, пусть дождь. Но ведь ты знаешь, как обычно выглядит автомобиль после городского дождя. Грязь-то, конечно, смывается. Но ведь остаются потёки! А где они, милостивые государи, а?! Где? Тут похоже, что кто-то уже после помывки прошёлся по корпусу сухой тряпкой – вон как бока блестят!

– Мя- э-у!

Егор повернул голову и увидел своего кота Тихона. Серый безобразник, видать, только что вернулся после ночных походов.

– Что, жрать, небось хочешь? – спросил Егор.

Тихон, однако, вопрос проигнорировал, не отреагировав даже на волшебное слово «жрать». Немигающим жёлтым взглядом он уставился на машину, и его нервно ходящий из стороны в сторону хвост, явно свидетельствовал о том, что кот явно чем-то озабочен.

– Тишуня! – позвал Егор, хорошо знающий характер и привычки своего любимца – Ты кого там увидел?

Он присел на корточки и заглянул под машину.

Так. Два пожухлых окурка, камни, щепки, пробившиеся сквозь трещины в асфальте травинки. Ничего одушевлённого. Странно.

– Ну, – повернулся к Тихону Егор, – и что сие должно означать?

Но кот уже утратил интерес к тому, о чём ведал только он сам и, гордо задрав трубой шикарный хвост, поднялся по ступеням на крыльцо, брезгливо обогнул мешки, лапой подцепил край двери, потянул её на себя, открыл и неторопливо скрылся внутри дома.

– Вот же паразит, – с любовью сказал вслед ему Егор, поднялся и, открыв багажник, загрузил в него оба мешка.

Как ни странно, двигатель завёлся сразу.

До пункта приёма пустых бутылок, что располагался неподалёку от известного в этих местах пивного бара под кодовым названием «Женева», было от дома Егора чуть больше километра по очень плохой дороге. Можно было, конечно, выехать на трассу, но это означало сделать изрядный крюк во-первых, а во-вторых, Егор не захватил с собой права, о чём, впрочем, вспомнил уже когда выбрасывал по дороге мусор.

Пятьдесят рублей, полученные после сдачи бутылок, вдохновляли.

А не погонять ли мне сегодня королей, подумал Егор, возвращаясь на третьей скорости к дому, машина, вроде, тянет, клапана я всё равно решил регулировать завтра, бензонасос, колодки и всё прочее тоже пару дней подождут, а раз уж день складывается так удачно, то грех не воспользоваться случаем. Да и деньги нужны: через три дня день рождения и хорошо бы принять гостей как полагается.

Он вспомнил свой прошлый день рождения, который состоялся только потому, что друзья принесли выпивку и закуску с собой, и поморщился. Нет, уж тридцать пять лет надо встретить достойно.

Дома он высыпал Тихону остатки «Фрискаса» (не грусти, заработаю – куплю ещё), надел последнюю чистую рубашку (черт, стирки накопилось...), взял права, запер ворота и выехал на трассу, ведущую к центру города.

Извозом Егор занимался редко, хотя город, в котором родился и прожил всю жизнь, знал наизусть, а с рулём и педалями научился управляться в двенадцать лет. Просто к самому процессу таксовки у него не лежала душа. Однако время от времени, когда с деньгами становилось совсем туго, он выезжал на улицы города в поисках пассажиров.

Обычно ему не очень везло.

То ли потрёпанный вид автомобиля снаружи, то ли хмурый вид его хозяина внутри, а скорее и то и другое вместе создавали вокруг машины некую не очень комфортную ауру, которую, видимо, подсознательно чувствовали потенциальные клиенты и поэтому голосовали ему только тогда, когда уж совсем некуда было деваться.

Так было всегда, но только не сегодня.

Не успел он вывернуть из переулка на проспект Стачки, как тут же подвернулся первый клиент в аэропорт, пообещавший раза в два больше денег, чем это расстояние на самом деле стоило.

И ведь исполнил обещание!

Возле самого аэропорта пассажиров ловить было бесполезно и, что самое главное, небезопасно – тут работала своя мафия, которая с «чужаками» разбиралась решительно и быстро. Однако, отъехав буквально на двести метров, Егор посадил клиента в центр, который тоже заплатил хорошо.

Так и покатило.

Можно было подумать, что все, кому сегодня нужно было куда-то быстро доехать, стремились непременно воспользоваться услугами Егора и заплатить при этом по высшей таксе.

Стоило ему высадить очередного клиента, как через десять метров на обочине с нетерпеливо поднятой рукой его поджидал следующий.

Азарт охватил Егора. Он забыл о неотрегулированных клапанах, изношенных тормозных колодках и бензонасосе, о времени, усталости и голоде – ему фартило, и он намеривался воспользоваться своей удачей до последней капли бензина.

Глава третья

К восьми часам вечера, когда солнце уже решительно склонялось к закату, Егор, высадив очередного пассажира на Будённовском проспекте, понял, что настало время чего-нибудь срочно съесть. Он пересчитал деньги и тихонько присвистнул: выходило, что за несколько часов извоза он заработал столько, сколько в последний год не зарабатывал и за две недели. Пожалуй, можно себе позволить и кафе. А, кстати, что у нас с бензином?

Он глянул на приборную доску: огонёк датчика уровня топлива горел ровным красным светом, показывая, что бензина в баке – кот наплакал.

Егор чертыхнулся, – ближайшая заправка находилась от него километрах в пяти, а канистра в багажнике – это он знал совершенно точно – была пуста как стакан алкоголика. Ладно. В конце концов пять километров – не пятьдесят. Должен дотянуть.

Он заглушил двигатель и вылез из машины. Кафе напротив неудержимо влекло умопомрачительным запахом солянки и горячих слоёных пирожков с мясом.

Егор сладко зажмурился, потряс головой и решительно двинулся к призывно распахнутым дверям заведения.

Практически мгновенно расправившись с полной миской золотистой, подёрнутой нежным жирком солянки, он, уже не торопясь, размеренно принялся за шикарную свиную отбивную с жареным картофелем и зелёным горошком, одновременно пытаясь вспомнить...

... То, что в канистре бензина нет уже очень давно, я помню точно. Но почему мне теперь кажется, что датчик уровня топлива мигал уже тогда, неделю назад? По-моему, я хотел ещё заправиться, но, как всегда, не было денег... Или не мигал?

Он попытался детально восстановить свою поездку недельной давности.

Так. Ездил он на комбинат прикладных искусств за глиной и алебастром. Это километров двадцать пять, если считать туда и назад. На обратном пути, правда, завернул на Ульяновскую к ребятам в мастерскую. Там, помнится, выпили, так что домой возвращался окольным путём – меньше шансов нарваться на гаишную засаду. И, вроде бы, мигал уже тогда огонёк на панели, ох, мигал... Или, всё-таки, не мигал? Чёрт, я ведь уже и не припомню, когда заливал последний раз полный бак! Максимум 20 литров, а на большее вечно нет денег. Вот и мигает у меня лампочка постоянно. Немудрёно, что теперь не вспомнить, как оно было неделю назад. Ну хорошо. Что было неделю назад, не помню, но ведь то, что было пять часов назад, должен помнить?! Должен. Но не помню. А сколько, интересно, господа хорошие, я сегодня проехал? Так. Пять часов за рулём. Средняя скорость... ну... пусть тридцать-тридцать пять километров в час. Получается, значит, сто пятьдесят – сто восемьдесят километров. Жаль, конечно, что не засёк цифру на спидометре, ну да ладно... Однако, чуть ли не полбака горючего получается! Нет, ребята, уж полбака у меня точно остаться не могло. Разве какой-нибудь неизвестный благодетель забрался ночью во двор и долил? Смешно. Тогда возникает законный вопрос: на чём я ездил?

Егор допил компот, вытащил сигарету и, удобно откинувшись на чуть пружинящую спинку стула, закурил.

... По городу моя «старушка» давно уже жрёт не меньше двенадцати литров на сто километров, – что делать, двигатель совсем износился. Значит, сегодня перед выездом в баке должно было быть 14-15 литров. Могло быть такое? Теоретически, разумеется, могло. Но вот практически...

Сигарета догорела.

Он потушил окурок в пепельнице, поднялся из-за стола и направился к выходу. Нужно было заправиться, купить в дом продуктов и ехать домой.

На выезде из центральной части города ему показал жезлом на обочину гаишник (давно уже славную госавтоинспекцию переименовали в совершенно неудобопроизносимое ГИБДД. Но народ упорно продолжал называть представителей дорожной милиции «гаишниками»).

Ну вот и кончилось везение, подумал, останавливаясь, Егор и обречённо полез за техпаспортом и правами. Однако выйти из машины он не успел – гаишник – чудеса да и только! – подошёл сам.

– Старший сержант Бородин, – представился молодой и румяный представитель неисчислимого племени блюстителей порядка и собственного интереса на российских автодорогах, вежливо наклоняясь к открытому окну. – У меня к вам вопрос, товарищ водитель.

– Слушаю вас, – с готовностью, но без подобострастия откликнулся Егор.

– Я вот стою на этом месте уже три с половиной часа, и вы за это время проезжали мимо меня пять... нет, шесть раз. Это седьмой. И каждый раз на абсолютно чистой машине. Скажите, как вам это удаётся? Ведь на дорогах довольно грязно...

– Чистой маши... – Егор, приоткрыв рот, уставился на старшего сержанта, пытаясь вникнуть в смысл сказанных им слов.

– Ну да, – терпеливо пояснил старший сержант Бородин, – всякий раз ваша машина выглядит так, будто только что вышла из мойки. Ошибиться я не мог, потому что у меня практически абсолютная профессиональная зрительная память. А ведь вчера к вечеру прошёл сильный дождь, и поехали вы сегодня по нашим не самым лучшим в мире дорогам прилично.

Тут до Егора, наконец, дошло, и он торопливо выбрался из машины наружу.

Весенний мир любовался собой в зеркально-чистых боках его автомобиля, и только колёса оказались слегка запачканы грязью.

Он достал из кармана пачку сигарет, сунул одну в рот и машинально протянул пачку сержанту.

– Спасибо, не курю, – отказался Бородин. – Я, собственно, почему вас и заметил. Просто неестественно чистая машина. Сам я тоже автолюбитель... Это какой-то суперстатик?

– Д-да, – выдавил из себя Егор и неторопливо прикурил. Румяный сержант подарил ему мысль. – То есть, не совсем чтобы... Друзья, понимаешь, привезли из Штатов прибор. Пока экспериментальный. У них машины тут нет, вот они и решили на моей испытании провести. Опять же в Штатах дороги уж больно чистые. – Егор посмотрел на внимательное и серьёзное лицо сержанта и добавил. – Шучу.

Гаишник неуверенно улыбнулся.

– Ну вот, – вдохновенно продолжил Егор. – Он, прибор этот, подключается прямо на корпус и создаёт вокруг него, то есть корпуса, мощное антистатическое поле... Я, короче, не учёный и не совсем врубаюсь, как эта вся хренотень работает, но всякая там пыль и прочие мелкие частицы грязи, по идее, должны отлетать от корпуса как горох от стенки. Сегодня первый день как установили, а я что-то совсем замотался и забыл напрочь... Надо же, действует! – Егор с неподдельным радостным изумлением покачал головой. Он и сам почти поверил в то, о чём говорил, тем более, что иное объяснение всё равно отсутствовало.

– Ага, – глубокомысленно изрёк старший сержант Бородин. – Классная штука. А как же это американцы им позволили такой уникальный прибор вывезти из страны? – в голосе блюстителя порядка на дорогах зазвучали профессиональные нотки.

– По частям, – с чисто ростовским нахальством заявил Егор. – тем более, что они сами этот приборчик изобрели.

– Это как же, – забеспокоился старший сержант Бородин, – такое изобретение и опять американцам достанется?

– Не достанется, – авторитетно успокоил его Егор. – Они потому и вернулись в Россию, что хотят его здесь выпускать. Для нашей отечественной автомобильной промышленности. Да и для другой какой промышленности, глядишь, сгодится. Надо же как-то поднимать экономику, в конце-то концов!

– Это правильно! – одобрил сержант. – Молодцы, ребята. А то ведь как что хорошее у нас появляется, так тут же американцы со своими долларами перекупают по дешёвке, будь они неладны!

– Вот именно, – согласился Егор.

– Вы вот что... замаялся сержант, – я тут частенько стою...

– Обязательно, – заверил Егор. – Как только наладим выпуск, презентую по старой дружбе такой же. Быстро не обещаю – сам знаешь чего стоит у нас в России производство организовать, но...

– Да я понимаю! – с готовностью воскликнул румяный гаишник.

– И вот что... – Егор придвинулся к нему поближе и понизил голос. – Ты уж, сержант, не болтай особенно об этом, лады? Сам понимаешь, конкуренция нынче такая, что и пришить могут, чтобы только таким прибором завладеть. Сам же себя виноватым потом будешь чувствовать.

– Обижаете, – румянец на щеках Бородина даже поблек от возмущения. – Я службу знаю.

– Ну и отлично! – широко улыбнулся Егор и, обнаглев окончательно, хлопнул сержанта по плечу. – Так я поехал?

– Нет вопросов, – улыбнулся в ответ гаишник, и они расстались практически друзьями.

И только подъехав к дому, Егор вспомнил, что так и не заправился.

– М-мудак склеротичный, – сказал он с чувством и, развернувшись, поехал на ближайшую заправку, которая, слава богу, располагалась неподалёку.

На сей раз он не пожалел денег и залил полный бак девяносто второго и ещё канистру, что на четверть уменьшило заработанную им сегодня сумму. Ничего, его «старушка» сегодня славно потрудилась и вполне заслужила хотя бы такую награду. Опять же завтра он собирался снова покататься – чем чёрт не шутит, а вдруг везение ещё не закончилось?

После заправки он завернул ещё в торговый центр, где закупил всеразличной еды для себя, пачку «Фрискаса» для Тихона и, с чувством достойно прожитого дня, поехал домой.

Только загнав машину во двор и выключив двигатель, он понял, что здорово устал. Причём устал как-то сразу, скачком. Не хотелось думать, не хотелось двигаться. Хотелось одного – спать. Желательно прямо сейчас и здесь.

Бунтует организм, вяло решил Егор, выволакивая с заднего сиденья пакеты с продуктами, тут тебе и холодное обливание вместо привычной опохмелки с утра, и уборка чуть ли не генеральная, и пять часов за рулём с непривычки. Даже шесть.

Он загрузил продукты в холодильник, открыл бутылку пива и включил телевизор. Уже через пять минут стало окончательно ясно, что ничего из предложенного в этот вечер он смотреть не хочет и не может – глаза закрывались сами собой, без всякого участия с его стороны. Подумал было, что неплохо бы выйти покурить, однако и на это сил уже не оставалось. «Организм требует – не будь ему прокурором», – словами одного из героев знаменитой повести Юза Алешковского «Николай Николаевич» сказал себе Егор и, так и не допив пиво, разделся, погасил свет, лёг и мгновенно уснул.

То ли неумеренное пьянство, то ли отсутствие постоянного заработка и общая неустроенность жизни, а, возможно, все эти причины вместе с десятком других, более мелких, были тому виной, но вот уже год с лишним, как нормальный сон стал у Егора Хорунжего редким гостем. Егор даже как-то притерпелся уже к тому, что за ночь приходится несколько раз вставать, курить, изгоняя из памяти очередной тягучий полукошмар-полубред, жадно пить воду и

снова обречёно лезть под мокрые от пота простыни в надежде забыться хоть на пару-тройку часов. Он прекрасно осознавал, что нормальный сон – это спутник нормального же образа жизни, а не того полупьяного и полуголодного, сплошь на издёрганных нервах существования, которое он ведёт, но изменить жизнь к лучшему пока не мог. Сон не приносил отдохновения, а утро никак не хотело становиться мудренее вечера, обрушиваясь на него всё тем же грузом вчерашних и позавчерашних нерешённых проблем.

Он открыл глаза и с удивлением понял, что выспался. Часы показывали восемь утра, а за нематым с прошлой весны окном было тихо и солнечно. В открытую форточку влетел весёлый, пахнувший сиренью ветерок, и Егор представил себе как он сейчас встанет, сделает (совсем рехнулся!) зарядку, обольётся водой из колодца, позавтракает и – знай наших! – вымоет окна.

Самое смешное, что всё вышло так, как он себе и представлял. К одиннадцати часам окна сверкали, словно в них только что вставили новенькие стёкла, а довольный собой Егор готовил второй завтрак: два куска хлеба с мощными пластами ветчины сверху и большую кружку горячего крепкого и сладкого чая – заслужил.

– И так теперь будет всегда! – заявил он несколько ошарашенному от эдакой прыти хозяина Тихону. – Завтра приберу двор, а послезавтра мы мне устроим шикарный День рождения!

– Мя-эу, – неуверенно согласился кот и потёрся об Егорову ногу. Перемены в хозяине ему явно нравились, но видно было, что животное боится в них поверить окончательно.

– Тэк-с! – провозгласил тем временем Егор, допивая чай и закуривая сигарету. – А сейчас быстренько займёмся клапанами.

Он вышел на крыльцо и замер, приоткрыв рот.

Перед домом стояла НЕ ЕГО машина.

Глава четвёртая

Да, это несомненно был ВАЗ-2101 тёмно-синего цвета, но... Царапина на правом переднем крыле, которая ещё вчера в очередной раз огорчала Егора, теперь исчезла, как и не было её никогда.

Он сбежал с крыльца и глянул на левое заднее крыло.

Вмятины тоже не было.

Идеально гладкая поверхность металла сияла новенькой тёмно-синей краской.

Новенькой?!

Егор в две затяжки докурил сигарету и приступил к тщательному осмотру.

Нет, это всё-таки была его машина. Во-первых, на ней стояли её родные номера, а во-вторых, он обследовал и салон тоже и обнаружил в карманах чехлов, под задним стеклом и в бардачке кучу всяческих мелочей, начиная от потрёпанной колоды карт и заканчивая фонариком с давно севшей батареей, которые мелочи лучше всякого номера на двигателе подтверждали... Стоп! Он открыл капот и сунулся к двигателю. Чёткие, как будто только вчера выбитые цифры, были теми же самыми, что и двадцать пять лет назад.

Да, это была его машина. Но... но... как?

Егор попятился к крыльцу, сел, закурил и стал думать.

Автомобиль не просто починили. Его каким-то совершенно невероятным образом сделали новым. И даже не просто новым – новёхоньким! Хотя сейчас выставляй в автосалоне как лучшую модель образца семьдесят четвёртого года.

Резина – и та новая, угольно-чёрная, с глубоким и чётким рисунком протекторов. Исчезли все вмятины, царапины, пятна ржавчины и прочие мелкие повреждения на корпусе и в салоне, которые копились и множились все эти годы. Лобовое стекло сияло девственной чистотой. Да что там стекло... Двигатель! Егор ещё не заводил машину, но уже готов был поклясться, что двигатель, не смотря на прежний номер, тоже новый, будто только что с завода, и заведётся с пол-оборота.

Ну хорошо, сказал он себе, давайте попытаемся мыслить логически. Здраво попытаемся мыслить. Послезавтра у меня, как это доподлинно известно всему цивилизованному миру, День рождения, тридцать пять лет. И допустим – только допустим! – что мои друзья вступили в тайный сговор с целью сделать мне один, но царский подарок. Скинулись они, значит, деньгами и... Что «и»? Получается, что вчера ночью выкрали они машину, отогнали её в какую-нибудь автомастерскую, где, разумеется, уже всё было подготовлено для этой, прямо скажем, непростой работёнки...

Егор тут же представил себе почему-то обширный, чуть ли не самолётный ангар, ярко освещённый электрическими лампами и десяток своих друзей и близких знакомых мужского пола, которые мечутся вокруг его многострадальной «копейки» в темпе ускоренной съёмки, рихтуют и красят кузов, меняют резину, лобовое стекло, сам двигатель, панель управления... Бред!

Он тряхнул головой. Действительно, бред. За одну ночь подобную работу проделать просто невозможно. Легче уж действительно подготовить автомобиль-близнец (вплоть до номера на двигателе) заранее, а после подменить, переставив номера и аккуратно переложив разные мелочи вроде колоды карт и старого фонарика из прежней машины в новую.

И опять же – бред.

Где в наше время можно найти новёхонькую, только что с конвейера «копейку»? Правильно, нигде. Их же фиг знает когда выпускать перестали. Разве что хранилась где-то законсервированная, а номер на двигателе и перебить можно. Нет, бред, бред и ещё раз бред. Это ж, во-первых, такую законсервированную ещё отыскать надо, а во-вторых купить. Полторы-две

тыщи «баксов», как минимум. А если учесть, что это практически антиквариат... Ну ладно, пусть нашли где-то, пусть даже чудаковладелец согласился её продать дёшево... О! А это мысль! Допустим, не владелец, а владелица. Эдакая ни бельмеса не понимающая в технике старушка-вдовушка. Муж её, скажем, двадцать лет назад купил ВАЗ-2101 и тут же зачем-то поставил его на консервацию. Захотелось ему, понимаешь. Поставил в хорошо утеплённый капитальный гараж. А почему нет? Были свободные деньги, а тут как раз и очередь подошла. Вот и купил. Сделал, так сказать, вложение капитала. Выгодное. Сам, натурально, водить не умел, а пока учился, взял да и умер. С кем не бывает. В общем, остался автомобиль на вечном приколе. Старушка-вдовушка о своей собственности, разумеется, забыла, детей, которые бы живо напомнили, у них не было... вот и сохранился «жигуль» нетронутым. А теперь старушке, при пенсиях-то нынче сами знаете каких, понадобились живые деньги, и стала она думать чего бы ей продать. И надумала. Тоже бред, конечно, но уже ближе как-то к реальности. В такой ситуации, да при должном везении можно и пятистами «баксами», пожалуй, обойтись. Хорошо. Спрашивается, у кого из моих друзей-товарищей есть лишние пятьсот долларов? Ответ: ни у кого. У Вовки, может, сотня-полторы и наберётся, да и то... А об остальных и говорить нечего – сплошь голь перекатная, такая же как я... Разве что кума, но у неё своя семья и, соответственно, расходы. Более-менее обеспеченные знакомые, конечно, имеются, но именно, что знакомые, а отнюдь не друзья и даже не товарищи. С какой такой неожиданной любви ко мне, алкоголику и разгильдяю, будут они делать такой подарок? Да и откуда им вообще знать, что мне тридцать пять лет послезавтра исполняется?! И потом, странности уже вчера начались, – грязь-то к корпусу не липнет! Ох, блин, аж голова заболела, зараза... Нет, тут гадай – не гадай, а ничего не выгадаешь – информации мало. Вовку бы тряхнуть – пусть колетса, но, если, допустим, это его инициатива, то лучше уж до послезавтра подождать – всё само выяснится, когда гости придут. Э! А может, народ, дни перепутал? Или это я перепутал, и День рождения на самом деле сегодня?! Да нет, вроде... Вот, блин, как бы узнать...

– Сосед! – позвали сзади. – Егорка!

Егор обернулся.

Над забором, отделяющим его участок от соседнего, маячила седая голова дяди Лёши – давнего их соседа и когда-то близкого отцовского приятеля.

– Здравствуй, дядь Лёша! – крикнул он и пошёл к забору, огибая стволы двух яблонь и вишни.

– Привет, Егорка!

Рука у дяди Лёши была сухой и жёсткой как вобла, а из самой середины худого, тёмного, покрытого густой сетью морщин лица, смотрели на Егора как всегда весёлые и молодые, ярко-голубые глаза.

– Дай закурить, – попросил дядя Лёша. – Чего-то я не рассчитал, а до магазина пока доберусь – уши опухнут.

Егор протянул ему пачку «Донского табака». Обычно он курил «Нашу марку», а то и «Приму», когда уж совсем не было денег, но вчера купил «Донской табак», который на самом деле предпочитал всем другим сигаретам – с неожиданных доходов-то можно себе позволить.

– О! – оценил дядя Лёша, уважительно вытягивая сигарету из твёрдой тёмно-коричневой пачки. – Разбогател никак?

– Во жизнь у нас пошла, дядь Лёш, – поддержал разговор Егор. – Пачку «Донского табака» купишь, который всего-то на пару-тройку рублей дороже той же «Марки», и уже родной сосед считает, что ты разбогател.

– Пара-тройка рублей тоже деньги, – наставительно заметил дядя Лёша, прикуривая от спички. – Где их, к примеру, взять, когда их нет?

– Кстати! – вскричал Егор. – Хорошо, что напомнил. Дядь Лёш, я ж тебе десятку должен!

– Да ну! – искренне удивился дядя Лёша.

– Должен, должен. Неделю назад брал, помнишь? У меня с утра на опохмелку не хватало. – Егор вынул из кармана деньги и протянул соседу.

– Вот, ёлки мохнатые, – забирая зеленоватую бумажку, вздохнул тот. – Десятка... Одно название. Эту бумаженцию и червонцем-то стыдно именовать, а?

– Да уж, – согласился Егор. – Дядь Лёш, не подскажешь какое сегодня число? А то я что-то...

– Бывает, – невозмутимо кивнул дядя Лёша. – Пятнадцатое мая сегодня. Пятница.

– Значит, не перепутал, – почесал в затылке Егор. – Ладно, пошёл я.

– Бывай.

Итак, всё правильно. Сегодня пятница, пятнадцатое мая. Завтра, соответственно, суббота и шестнадцатое мая. День рождения. И что сие означает? А хрен его знает. Ладно, я не перепутал. Может, всё-таки, Вовка?

Переться на угол к ближайшему телефону-автомату, который, с большой долей вероятности мог быть и сломан, не хотелось и Егор вернулся к забору.

– Дядь Лёш! – позвал он.

Сосед не успел ещё скрыться в доме – курил, оглядывая хозяйским глазом ухоженный огород.

– Тут я...

– Можно я позвоню?

– А когда было нельзя?

– Егор перемахнул через дощатый забор и между грядок пошёл к дому.

– Там открыто, – сказал ему в спину дядя Лёша. – Звони сколько надо.

Массивный старинный телефонный аппарат дяди Лёши с металлическим диском набора номера и вычурной, чёрной и круглой эбонитовой трубкой с бронзовыми набалдашниками наушника и микрофона на высоких вилообразных рычагах стоял на столике в прихожей и, как всегда, внушал уважение.

Егор присел на стоящую рядом табуретку, снял тяжёлую телефонную трубку с рычагов и набрал номер Володьки Четвертакова.

– Алло! – недовольно сказал Володька на другом конце провода.

– Здравствуй, Володь, это я.

– Привет, старик.

– Я тебе не помешал?

– Наоборот. Благодаря твоему звонку я получил долгожданную передышку.

– Чего делаешь?

– Да с чудовищем этим электронным разбираюсь, будь оно неладно. Купили на свою голову.

– Это с компьютером, что ли? – улыбнулся Егор.

– С ним, проклятым.

Пару месяцев назад жена Владимира Александровича Четвертакова Надя привезла из длительной командировки в Италию хороший компьютер, и теперь друг Володька, желая, как всегда, шагать в ногу со временем, пытался его освоить, что давалось ему с великим трудом в силу, во-первых, вечной нехватки этого самого времени, а во-вторых, какой-то внутренней неосознанной предубеждённости против этого чуда техники.

Друг Егора Владимир Александрович Четвертаков был человеком увлекающимся и в то же время настырным. Редкое сочетание, которое с одной стороны гарантировало ему нескучную, полную различных приключений и переживаний жизнь, а с другой – обеспечивало успех в тех делах, за которые он брался. А брался он к сорока трём свои годам за многое. Окончив машиностроительный факультет политеха, был некоторое время гонщиком (мастер спорта по авторалли), затем отслужил два года офицером в родимой Советской Армии, где в должно-

сти командира автороты был ранен в Афганистане на печально знаменитом перевале Саланг и награждён орденом Красной Звезды; работал инженером и начальником смены на заводе; крутил баранку простым таксистом; был директором детского дома; безработным, «челноком» и, наконец, застрял на почётной и довольно денежной должности механика-консультанта в крупной фирме по ремонту и продаже престижных «иномарок».

– Я чего звоню, собственно, – сказал в трубку Егор. – У меня день рождения завтра. Ты с Надей приглашён.

– Да я помню, – удивился Володя. – Не первый раз. Мы тебе уж и подарок приготовили.

– В смысле – сделали? – осторожно уточнил Егор.

– Не понял, – помолчав, признался Володька.

– Я говорю, не приготовили, а уже сделали подарок? – пошёл напролом Хорунжий.

– Что-то я, старик, опять не понял, – встревожился Володька. – У тебя всё в порядке?

Случилось что?

– Да нет, всё нормально, – нервно хохотнул, не сдержавшись, Егор. – Ты как сегодня вечером, свободен?

– Вечером – это когда?

– Вечером – это часов в шесть.

– Ну, допустим, могу быть и свободен. Исключительно для тебя. Но, опять же, смотря для чего.

– Для меня, для меня... Хочу тебе кое что показать. Интересное, блин. С технической точки зрения. Да и с любой другой тоже.

– Сильно интересное?

– Очень сильно.

– Может, сразу расколешься?

– Не, помучайся до вечера.

– Ладно, считай, что заинтриговал. Буду ждать в шесть.

– Ну, тогда до встречи.

– Обнимаю.

Егор положил трубку на рычаги, в задумчивости потёр подбородок и вышел.

Вчерашний день повторялся один к одному, за исключением того, что сегодня он управлял совершенно другой машиной.

Любому автолюбителю или просто человеку, умеющему удержать на дороге это чудо и проклятие двадцатого и двадцать первого века – автомобиль, знакомо восхитительное чувство свободы, силы и скорости в постижении и преодолении окружающего пространства, когда сидишь за рулём хорошо отлаженной машины. Если ты молод, здоров и весел, то твоя природная, перехлёстывающая через край души и тела энергия, словно удваивается, – и нет таких расстояний, которые не исчезли бы под колёсами твоего четырёхцилиндрового друга.

Если ты уже прожил около половины отпущенного тебе Богом и судьбой срока на этой земле, и за плечами у тебя – радость побед, горечь поражений и спокойный опыт прожитых лет, если ты с уверенностью и достоинством смотришь в будущее, то этот, с жадным урчанием пожирающий бензин и километры, красивый железный зверь, становится зримым воплощением твоей жизненной силы и надёжным залогом сегодняшнего и завтрашнего успеха.

Ну, а если впереди осталось не так уж много вёрст и зим, и энергия покидает одряхлевшее тело, будто ключевая вода дырявое ведро, – сожми крепче баранку подагрическими пальцами, придави дрожащей ногой акселератор, и ты почувствуешь, как молодые лошадиные силы двигателя становятся твоими силами, и конечный пункт прибытия снова отодвигается за горизонт.

Да, ещё неделю назад болезненные позвякивания, постукивания и поскрипывания в кузове, ходовой и двигателе постоянно и неприятно напоминали Егору о том, что давно пора серьёзно заняться принадлежащим ему средством передвижения, если он, конечно, хочет, чтобы оно, это самое средство, окончательно не развалилось напротив ближайшего столба.

Ещё вчера он, охваченный азартом, не забывал время от времени прислушиваться к своей многострадальной машине и давал себе твёрдое слово завтра же отрегулировать клапана и, возможно даже, заменить бензонасос.

А сегодня... Сегодня во всём этом отпала нужда.

Пару-тройку раз Егор сидел за рулём вылизанной изнутри и снаружи «Тойоты»-четырёхлетки, принадлежащей Володьке Четвертакову, и помнил то дивное ощущение восторга, которое возникало у него в душе, когда машина чутко слушалась малейшего движения рулевого колеса и педалей.

Нечто подобное он испытывал и сейчас за рулём своего «жигулёнка», впервые коснувшегося колёсами дороги в давно забытом и ничем не примечательном 74-м году. Более того, такого удовольствия и даже наслаждения от езды, наслаждения, являющегося как бы самым верхним слоем глубокого чувства слияния с машиной, он вообще не получал ни разу в жизни. Он даже забыл на время, что вообще-то выехал из дому с целью заработать – раз и проверить машину – два. И хотя клиент, что называется, шёл косяком, Егор, если бы его об этом спросили, не смог бы сказать даже приблизительно, сколько на данный конкретный момент он заработал и какое и количество пассажиров отвёз куда им надо.

Глава пятая

К Володьке он чуть было не опоздал.

Слава Богу, что последний клиент поинтересовался у него временем, и он посмотрел на часы, которые показывали без четверти шесть. И хорошо, что находились они в этот момент неподалёку от Вовкиного дома, а ехать оставалось всего ничего.

Владимир Александрович Четвертаков терпеть не мог, когда кто-нибудь опаздывал. И ему при этом было совершенно не важно малознакомый ли это человек, близкий друг, родственник или важный деловой партнёр. Был у Володьки Четвертакова такой маленький недостаток. Сам он опаздывал редко и только по совсем уж уважительным причинам, когда сама судьба становилась у него на пути. Да и то бывали случаи, когда ему удавалось обхитрить и судьбу и прибыть на нужное место вовремя. В случаях же, когда опаздывал кто-то другой, Владимир Александрович обычно вкрадчиво-вежливо интересовался причиной опоздания и, если, по его мнению, причину серьёзной назвать было никак нельзя (а это случалось практически всегда), высказывал опоздавшему прямо в лицо всё, что он, Владимир Александрович Четвертаков, по данному поводу думает. А так как язык у Владимира Александровича Четвертакова подвешен был довольно хорошо (умел он при случае внятно и доходчиво излагать свои мысли), то часто подобные высказывания заканчивались обидами, разрывом отношений и чуть ли не скандалами с мордобоем и слезами. Что, впрочем, никоим образом не влияло на дальнейшее отношение Владимира Александровича к опозданиям, как таковым.

Рассказывали, что однажды он и генеральный директор фирмы, в которой Владимир Александрович работал (той самой, по продаже и ремонту престижных «иномарок»), ждали какую-то очень важную шишку. Чуть ли не представителя компании «Форд» прямо из Америки. Шишка сильно опоздала, а когда прибыла, то оказалось, что она ещё и в подпитии. Генеральный смолчал, а Четвертаков не удержался (английским в этих пределах он владел). Кончилось дело тем, что генеральный, не смотря на всю свою «крутизну», два дня потом отлёживался дома на диване с давлением в обнимку, а мигом протрезвевший американец извинился и в знак уважения подарил Владимиру Александровичу настоящий «ролекс» со своей руки. «Когда кто-то со мной договаривается о встрече на определённый час и опаздывает, – не уставал объяснять Володька свою позицию всем, кто готов был его слушать, – он тем самым совершает кражу. Кражу моего личного времени. А это самое дорогое, что у меня есть».

Жил Владимир вместе со своей женой Надей, сыном Геной, дочерью Сашей и собакой Дружбаном в старом, начала века, двухэтажном купеческом доме, где на втором этаже семье Четвертаковых принадлежала четырёхкомнатная квартира.

Попетляв по переулкам, Егор остановил машину (тормоза хватили мёртво) напротив знакомого подъезда ровно в семнадцать часов пятьдесят девять минут, открыл дверцу, вылез наружу и коротко просигналил. Занавеска на открытой настежь балконной двери колыхнулась, и на балкон вышел старый друг Володька Четвертаков.

Был он по случаю тёплого весеннего вечера только в испачканных белой краской тёмно-синих тренировочных штанах и тапочках на босу ногу.

– Так, – сказал он, увидев Егора и его автомобиль, после чего вытащил из кармана штанов пачку сигарет «ЛМ» и прикурил от спички – Машину покрасил? Это хорошо. Давно пора. А почему ко мне не обратился?

Егор молча ухмылялся снизу вверх.

– И отрихтовал, – заключил Володька, завершив осмотр. – Хорошо отрихтовал, однако. Где делал, у Армена, что ли?

Егор отрицательно покачал головой, не отпуская с лица загадочную, как ему казалось, полуулыбку.

– А чего ты вообще там стоишь? – удивился наконец старый друг. – Заходи.

Дверь Егору открыла семилетняя Сашенька и очень крупный, добродушный и умный сенбернар по имени Дружбан.

– Здравствуй, Сашенька! – радостно сказал Егор. Он любил детей своего друга, поскольку своих детей, которых тоже можно было бы любить, у него не было. – Здравствуй, Дружбан.

– Здравствуйте, дядя Егор, – сказала Сашенька и отступила в глубь прихожей, давая гостю войти. – Давно вы у нас не были.

– Дела, – лицемерно вздохнул Егор и вошёл.

И тут же на грудь Егору легли тяжёлые лапы, – Дружбан, которого он знал со щенячьего возраста, выражал таким образом свою радость от встречи.

Егор потрепал собаку за ушами, осторожно отстранил, снял туфли и прошёл в комнаты.

Они сидели с хозяином в креслах за низким длинным журнальным столиком в гостиной, лопали вкуснейшие, только что нажаренные Надей котлеты с чёрным хлебом и запивали всё это дело крепким горячим чаем. Владимир Четвертаков, так же, как и Егор Хорунжий, признавал чай только свежесваренный, очень крепкий и сладкий. Иногда с лимоном. «Из несвежего чая, – объяснял он желающим, – весь полезный микроб уходит».

– Ну, рассказывай, что ли, – не выдержал Володька, когда котлеты были съедены и друзья закурили.

– Ты не поверишь, – предупредил Егор.

– Это уж моя забота... Кстати, отлично выглядишь. Посвежел как-то, помолодел... помоему, даже поправился. Пить, что ли бросил?

– Да не то, чтобы бросил... – пожал плечами Егор. – Хотя два дня уже не употреблял, это верно.

– Два дня для такого дела и в нашем возрасте маловато, – авторитетно заявил Володька. – Это в двадцать пять двух дней хватало. Даже ещё в тридцать. А теперь неделя нужна, как минимум.

– Смотря сколько времени перед этим пить, – охотно включился в тему Егор. – Ежели, скажем, дня три-четыре, то, пожалуй, действительно недели хватит.

– Сколько времени, – сказал Володька, – и в каком количестве и, разумеется, качестве. Хотя мне уже ничего не помогает – хоть пей, хоть не пей... Старею, видать. Утром гляжу в зеркало и думаю: «Ну и рожа у тебя, Шарапов!»

– Брось, ты ещё крепкий старик, Розенбом!

– Вот именно, что старик...

Егор внимательно поглядел на друга. На старика Владимир Александрович Четвертаков похож не был. Был он похож на полного сил сорокалетнего мужчину в самом соку, каковым, впрочем, и являлся.

– Хандришь, – заключил Егор. – Сейчас я тебе расскажу свою историю, и ты про всякую хандру, а также сплин, тоску и депрессию забудешь надолго.

И Егор рассказал. С самого начала.

Друг Володька слушал не перебивая. И хотя ироническая усмешка не сходила с его лица на протяжении всего рассказа, по особому блеску тёмно-карих, почти чёрных, глубоко посаженных Володькиных глаз, Егор понял, что история заинтересовала его друга.

– И вот я у тебя, – закончил он и закурил. – Что скажешь?

– Что скажу... – Четвертаков запустил длинные крепкие пальцы в свою жёсткую, уже с заметной проседью чёрную шевелюру, взерошил волосы, потом снова их пригладил и устоялся на Егора пронзительным взглядом. Егор спокойно выдержал атаку.

– Врёшь, – убеждённо заключил Володька. – Причём совершенно не понятно зачем. Заработал денег, отрихтовал и покрасил свой тарантас, лобовое стекло сменил... хвалю. Но врать-то зачем?

Егор улыбнулся.

– Пошли прокатимся? – вкрадчиво предложил он.

– Вот интересно, – задумчиво проговорил Володька. – Что ты будешь делать, если я соглашусь?

– Пошли, пошли, – Егор поднялся с кресла. – Надевай рубашку, штаны и пойдём.

– Штаны на мне уже есть, – гордо сообщил Володька и, подумав, зловеще добавил. – Ну ладно, сам напросился.

На улице Володька долго ходил кругами вокруг сверкающего гладкими синими боками «жигулёнка», присматривался, приглядывался, притрагивался и даже, кажется, принохивался. Осмотрел колёса, заглянул под днище и потребовал открыть капот, что Егор с готовностью исполнил, наслаждаясь в душе производимым впечатлением.

Когда Володька опустил крышку капота и поднял голову, недоверчивую иронию на его лице давно сменило выражение озадаченности пополам с какой-то детской обидой.

– Шутки шутим, значит, – пробормотал он, усаживаясь за руль. – Садись давай, покатаемся.

И они поехали кататься.

Удовольствие кататься с Владимиром Александровичем Четвертаковым, мастером спорта по авторалли, было сравнимо разве что с удовольствием спать с женщиной, которая никак не может для себя решить: немедленно вас трахнуть или же немедленно прирезать. Агрессивный стиль вождения, помноженный на мастерство, даёт неоспоримое преимущество на дороге, владеющему в должной мере тем и другим. При этом, как не парадоксально, окружающие водители и пешеходы находятся в относительной безопасности, – тот, кто умеет, не допускает создания угрозы дорожно-транспортного происшествия. А Владимир Александрович Четвертаков умел.

Покрышки дымились, мотор ревел, деревья, люди и дома мелькали. В салоне на полную мощность гремело радио, которое ещё позавчера издавало лишь хрип и свист. Володька поймал какую-то французскую станцию, которая гнала в эфир древние хиты вечно чудной Эдит Пиаф, и Егор подумал, что если весенний городской пейзаж за окном сменить на загородный зимний, а его «жигуль» на какой-нибудь «опель» (или что там было) образца сорок третьего года, то они с Вовкой будут прямо почти как Штирлиц и пастор Шлаг из кинофильма «Семнадцать мгновений весны».

Впереди на перекрёстке загорелся красный, и Володька затормозил так, что сразу стало ясно: ремни безопасности в машине предусмотрены не зря.

– Ну что? – спросил Егор, протягивая руку и убирая голос француженки до минимальной слышимости.

– Не могу понять, как твой приёмник ловит эту волну. Он раньше и «Радио России»-то принять не мог, не говоря уже о «Маяке».

– Приёмник! – фыркнул Егор. – Я тебя о самой машине спрашиваю!

– Какие-то чудеса, – пожал плечами Володька. – Погоди, я ещё толком не разобрался.

Где-то сзади и справа привычный городской шум прорезал испуганно-возмущённый женский крик, тут же сменившийся вульгарнейшим матом. Ругался уже мужчина. И ругался тоже громко.

Друзья синхронно обернулись.

По правому от них тротуару бежала девушка. Была она в короткой джинсовой юбке, ярко-красной майке и туфлях на высоких каблуках. В правой руке – сумочка, в левой – пакет. За девушкой, прихрамывая, гналась здоровенная обезьяна – коротко стриженная, откормленная, молодая и наглая. Богатая, видать, обезьяна. Из новых. Одной рукой обезьяна держалась за причинное место, а другой размахивала и при этом грязно и примитивно ругалась на всю красивую весеннюю улицу.

– Вот блин с горохом! – охнул Володька. – Догонит ведь, гад. На каблуках и в юбке ей не убежать.

Обычно Егор в подобные ситуации не вмешивался. И вот почему. Женщины и девушки – вообще загадочные существа, а ростовские женщины и девушки – то ли из-за своей броской красоты, то ли из-за знаменитого южно-казачьего темперамента – в особенности. Никогда не знаешь, что ей именно сейчас взбрѣдет в прелестную головку. Может, ей без хорошей трѣпки от любимого жизнь не в кайф? Егор однажды, лет десять назад, полез заступаться на улице за девушку, которую крепко трепал поддатый парень, и получил сразу с двух сторон. От него, и от неё. С тех пор зарѣкся. Но, как видно, всякому зарѣку – свой срок, потому что он, повинувшись безотчѣтному порыву, распахнул заднюю дверцу и крикнул девушке:

– Сюда, заяц!

Беглянка сориентировалась мгновенного и уже через две секунды влетела в салон с криком:

– Гони!!

Володька, не раздумывая, рванул с места (благо, как раз загорелся «зелѣный») и повернул налево, к Дону.

– Тебя куда отвезти, солнышко? – спросил он, не оборачиваясь.

– Этот козѣл за нами едет, сообщило «солнышко», глядя в заднее стекло. – На чѣрном «мерсе». И вообще их там четверо.

– Ага, – спокойно сказал Володька. – Теперь вижу. Ладно, я буду от них уходить, а ты пока рассказывай, что случилось.

– Что, что... – голос у беглянки был звонкий и злой. – Шла себе по улице с занятий, а этот... Сначала на «мерсе» рядом ехал. Ну, знаете, как это у нас бывает. Едет медленно вдоль обочины и всякие разные предложения из окна делает. Я иду, внимания не обращаю. И ведь знаю, дура, что в таких случаях лучше молчать... Нет, не выдержала и ляпнула что-то в ответ. Он из машины выскочил, стал хватать. Ну я и врезала ему коленом по яйцам, а потом сумочкой по уху. Меня зовут Зоя, – неожиданно сообщила она.

«Гоп-стоп, Зоя, кому давала стоя», – вспомнил ни к селу, ни к городу слова неприличной песни Егор и с удивлением понял, что краснеет.

– Всѣ ясно, – сказал он, кашлянув. – Жми, Володя. Догонят – мало не покажется, – и добавил, обернувшись. – Не волнуйтесь, Зоя, оторвѣмся.

– Хорошо бы, – озабоченно сказала Зоя, неуверенно улыбнулась и поправила светлые лѣгкие волосы. – А вы кто?

– Люди, – улыбнулся в ответ Егор. – Познакоимся поближе, когда потеряем этих... невоспитанных.

Девушка ему понравилась. Крепкая такая девушка на вид, не изнеженная. И в то же время стройненькая и даже где-то хрупкая. Глаза – серые, носик аккуратный. Рот широкий, скулы... но тут Володька резко ушѣл в поворот, потом ещѣ в один, и Егору пришлось обернуться на дорогу.

«Мерс» не отставал.

За рулѣм чѣрной иномарки тоже, видать, сидел не последний водила, и Володька устроился поудобнее, врубил снова на полную катушку радио (Эдит сменила Мирей Матье) и прибавил газу.

Егор и опомниться не успел, как они оказались практически за городом и по Малиновского рванули направо, к таганрогской трассе.

– Володя! – крикнул Егор, поворачиваясь к другу. – На трассе они нас достанут! У них мотор мощнее!

– Хрен! – крикнул в ответ друг. – Смотри!

Впереди как раз очистился участок дороги на несколько сот метров вперёд. Володька прижал акселератор, и стрелка спидометра прыгнула к отметке 120, 130... 140...150...160... Ускорением Егора вжало в кресло, и он почувствовал, как напряглись мышцы шеи, пытающиеся удержать голову в нормальном положении.

– Впереди ГАИ, не забыл?! – проорал Егор.

– Спокойно!

Егор посмотрел в зеркало заднего вида. «Мерс» чуть приотстал, но продолжал держаться в поле зрения.

– Может, гаишникам сдадимся?! – неуверенно предложил Егор.

– Нет! – Володька Четвертаков, мастер спорта по авторалли, явно вошёл в азарт. – Я хочу поиграть!

... Пост ГИБДД они прошли на вполне пристойной скорости, и сразу за ним, на широкой, недавно реконструированной таганрогской трассе, Володька начал потихоньку прибавлять обороты.

Стрелка спидометра давно упёрлась в ограничитель и дрожала готовая лопнуть от натуги, – дальше ей хода просто не было, а скорость всё росла. Они шли в левом ряду, двигатель гудел как шмель на летнем лугу, машина, прижалась к асфальту, разрывала воздух в ключья, и тот свистел по бокам корпуса.

Автомобили, которые они обгоняли, казалось, просто стояли на месте. Тем, что шли впереди, в их ряду, Володька сигналил так отчаянно и нагло, что те торопливо уступали дорогу. Тех же, кто уступать не хотел, Володька обгонял стремительно и беспощадно, слева и справа, нарушая при этом все и всяческие правила обгона.

По Егоровым расчётам, они уже перешли отметку в 200 км/час, а в салоне, тем не менее, не ощущалось никакой вибрации! Лишь тон двигателя изменился на более высокий.

Зоя за спиной давно испуганно притихла, и Егор осторожно покосился на друга. Тот был бледен, рот сжат в упрямую щель, чёрные прищуренные глаза съедают летящее навстречу пространство.

– Расшибёмся, Володька, – негромко сказал Егор.

Мирей Матье как раз сменил Шарль Азнавур и успел спеть одну песню. В эту самую паузу между первой песней и второй и упала Егорова фраза.

– Не дрейфь! – выдохнул мастер спорта по авторалли, коротко глянул в зеркало заднего вида и резко сбросил скорость.

Так поворачивают танкисты и гонщики. Танкисты, потому что танк по-другому не умеет, а гонщики, потому что так быстрее.

Машина разворачивается поперёк дороги, некоторое время её так и несёт, а потом она уже мчится в направлении перпендикулярном предыдущему. Резина при этом, конечно, «горит», но время зачастую бывает дороже резины.

Они нырнули в поворот, скрытый кустами и деревьями.

«Танаис!» – успел заметить Егор, – не доехали, блин, – долетели...

Глава шестая

Две с лишним тысячи лет назад под мерные взмахи длинных вёсел в устье Дона, который в те времена назывался Танаис, вошли греческие триеры. Они поднялись вверх по реке, отыскали удобное место и причалили к правому берегу. На дикую землю скифов и меотов ступили новые люди – греки. И здесь, на продуваемом всеми ветрами степном просторе, на самом краю Ойкумены, в виду Беотийского Болота (такое имя носило Азовское море) они основали самую восточную колонию тогдашней Греции – Танаис. Они построили город, и окружающие племена быстро сообразили, что с пришельцами гораздо выгоднее торговать, нежели воевать. Оно и понятно, – греки принесли с собой на эти берега новую цивилизацию и новую культуру, – ту самую культуру, из которой позднее выросла вся современная культура Запада, да и наша тоже. Почти шесть веков стоял Танаис на крутом правом берегу обильной водами и рыбой скифской реки. Строился, торговал, иногда воевал, горел и снова строился и торговал. А в третьем веке уже нашей эры греки отсюда ушли. Сели в свои корабли с жёнами, детьми и всем домашним скарбом и уплыли домой. И никто так до сих пор и не знает – почему. Ни следов нашествия, ни разрушений, вызванных каким-нибудь стихийным бедствием, ни всепожирающего пожара или эпидемии. . . ничего не обнаружили археологи двадцатого века. Просто люди собрались и покинули город. Может быть, существование греческого города в этих местах просто потеряло смысл? К тому времени давно уже не было классической Древней Греции как таковой. Мир стал эллинистическим, и в нём заправляли не Афины и даже уже не Рим, а Константинополь – столица Восточной Римской империи. Мир стал другим, он изменился, и грекам больше нечего стало делать в этой, по-прежнему дикой, степи.

За века, прошедшие с тех пор, Дон сменил русло, а город Танаис затянуло землёй, что случается со всеми брошенными городами.

Потом пришли археологи, Танаис частично раскопали, а государство (тогда ещё Советский Союз) устроило здесь археологический музей-заповедник. Сюда по теплу из Ростова и Таганрога в выходные дни частенько наезжали экскурсии школьников и просто любознательных горожан – знакомиться с культурой и бытом древних танаитов. А ещё, кроме работников музея, постоянно и временно (в основном летом) жили здесь поэты, писатели, художники, философы и просто романтики, которым осточертел пыльный и шумный Ростов, и которые обретали здесь, на берегу старого русла Дона под названием Мёртвый Донец, некое подобие покоя и, возможно, просветления.

Егор и Володя бывали тут неоднократно, водили знакомство и с директором музея Виктором Фёдоровичем Черемшой, и со многими иными обитателями этого удивительного и несколько странного места.

Володька не остановился на парковочной площадке, а загнал машину прямо на территорию музея, спрятав её от посторонних глаз между домиком директора и керамической мастерской. Выключил двигатель, радио, отстегнул ремень безопасности.

– Думаешь, не найдут? – спросил Егор.

– Не должны. Мы от них километров на пять оторвались, а то и на все семь. Знаешь с какой скоростью я шёл? Двести пятьдесят, не меньше! И мог бы выжать все триста. Испугался.

Егор потрясённо молчал.

– Мальчики, а мальчики! – подала с заднего сиденья голос Зоя. – Я бы всё-таки на вашем месте последила за дорогой оттуда, от Каменной Бабы. Мало ли что. . .

– Правильно, Зоинька, правильно, зайнйка – похвалил Володя. – Только всем ни к чему. Я сам посмотрю, а вы погуляйте тут пока, поздоровайтесь с народом... Хотя нет, отставить, лучше посидите неподалёку, чтобы я в случае чего вас не искал.

Тихо было в Танаисе этим весенним вечером. Одурающе пахли цветущие травы, да ленивый ветерок едва шевелил длинные светлые Зоины волосы.

– Хочешь посмотреть, как солнце садится в Азовское море? – спросил Егор. – Как раз время.

– А разве отсюда видно?

– Когда воздух чистый. Сегодня, вроде, чистый.

– Хочу.

– Пошли.

– А как же ваш друг?

– Тут совсем рядом. Если он позовёт, мы услышим.

Егор вывел девушку с другой стороны музея, к копии деревянного древнеримского моста через бывший крепостной ров и протянул руку к западу:

– Смотри!

Красное солнце валилось за край земли. Точнее, воды, потому что как раз там, куда оно падало, блестел кусочек моря. И в этом кусочке солнце отражалось словно в зеркале. Казалось, два солнца движутся навстречу друг другу как две гигантские непознанные формы жизни, влекомые то ли инстинктом слияния, то ли силой любви. Вот они коснулись друг друга, и весь видимый отсюда кусочек моря вспыхнул золотисто-алым огнём – второе, отражённое солнце расплескалось во воде и осталось только одно, – настоящее.

– Как здорово... – прошептала Зоя. – Два солнца! Они слились, вы видели?

– Да, – улыбнулся Егор. – Я это и раньше видел. Вот решил теперь тебе показать.

– Спасибо, – серьёзно кивнула Зоя.

Они вернулись к машине и сели на деревянную скамейку под старой акацией. Егор вытащил сигареты и предложил девушке. Та секунду помедлила и взяла.

– Я редко курю, – объяснила она. – Но сейчас мне сигаретка не помешает.

– Да уж, – понимающе усмехнулся Егор и чиркнул зажигалкой.

– Как хоть вас зовут, спаситель?

– Меня – Егор, а друга моего – Владимир. А почему на «вы»? Неужто мы такие старые?

– Ну ты ещё, вроде, не очень. А вот друг твой мне, пожалуй, в отцы сгодится. Хотя тоже симпатичный.

– Вот так живёшь-живёшь на свете, – притворно вздохнул Егор, – а потом в один прекрасный вечер молодые красивые девушки начинают тебе «выкать». Спасибо ещё хоть пока симпатичным признают.

– Не переживай, – неожиданно сильно хлопнула его по плечу Зоя и рассмеялась. – Суть мужчины не в молодости, но в надёжности. Ты как, надёжен?

– Пожалуй, не очень, – признался Егор.

– Что ж ты, такой ненадёжный мне тогда помог? Наговариваешь на себя, однако.

– Затмение нашло, – объяснил Егор. – А надёжный у нас Володька. Я же только учусь.

– Ну-ну, – неопределённо заметила Зоя. – Хорошо хоть учишься. Кстати, мальчики, откуда у вас такое чудо техники? Надо же – от «мерседеса» ушли! Девчонкам расскажу – не поверят! Переделанная, что ли?

– Это... э-э... Да, переделанная, в общем, – Егор и сам не знал зачем врёт. – Машина моя, но мастер я не очень большой. Прямо скажем, совсем не мастер. А Володя – гонщик, раллист. Мастер спорта, между прочим. И вообще в машинах разбирается здорово. Вот он и переделал мою таратайку. Я, конечно, тоже участвовал, но больше так... принеси-подай.

– Что-то ты скромный какой-то, – подозрительно прищурила серые глазищи Зоя. – А на вид не скажешь. Вон, усищи торчат! Куда там твоему коту!

Егор усмехнулся и непроизвольно подкрутил усы. Он уж совсем было собрался перевести разговор на какую-нибудь более доверительную и, возможно, даже интимную тему, как тут появился Четвертаков.

– Не видать и не слышать! – объяснил он. – Подождём часок и – домой.

– Может, подольше? – осторожно предложила Зоя.

– Можно и подольше, – легко согласился Володя. – Да только я думаю, что у этих «быков» долго в засаде ждать терпелки не хватит. Если они вообще догадаются сделать засаду. Воспитание у них не то.

– Э-э, ребята! – поднялся с лавочки Егор, потянулся и сделал несколько разминочных движений. – Танаис – это такое место, где никогда не знаешь, сколько тут пробудешь. Может, час-другой, а там, глядишь, и до утра останешься. Ты лучше, Володенька, на машину мою посмотри пока светло. При этом заметь, что я её за время твоего отсутствия помыть никак бы не успел. Ведь я не мыл машину? – обратился он к Зое.

– Нет, – с готовностью ответила та. – Не мыл. А должен был?

– Тогда и ты посмотри, – засмеялся Егор.

Зоя послушно посмотрела на машину и с великолепным безразличием пожала плечами:

– Машина как машина. Жигули старого образца, насколько я понимаю. Во всяком случае снаружи выглядит именно так. Но сама – новая. Вон как бока сверкают...

Володька Четвертаков тем временем молча и медленно обходил автомобиль кругом, осматривая чуть ли не каждый квадратный сантиметр кузова.

– Ничего не понимаю, – признался он обескуражено, завершив обход и осмотр. – Как только что из мойки.

– С последующей полировкой, – добавил Егор.

– Пожалуй, – согласился друг. – Я вот, правда, никак в толк не возьму чего это ты такой довольный, будто сам всё это сделал. Тебе просто повезло – на тебя свалилось чудо.

– Ну, сие ещё не известно – повезло или нет, – резонно заметил Егор. – Чудеса они, знаешь, разные бывают, особенно у нас в России.

– Мальчики, о чём вы? – Зоя поднялась со скамейки и подошла к ним.

Друзья переглянулись.

– Смотри, – решился Егор. – Я целый день ездил по городу, потом ездили уже мы с Володей, потом подобрали тебя, выехали за город, шли по трассе чёт с какой скоростью, а на кузове и ветровом стекле – ни единого пятнышка? Я уже не говорю о том, что сам кузов должен был запылиться. Мошकारа всякая, которая о стекло разбивается! Где трупы, господа? Точнее то, что от этих трупов обычно остаётся...

– Действительно, – удивилась Зоя. – Где?

– Вот и мы не знаем, – вздохнул Егор. – Феномен, мать его.

– Вы меня разыгрываете! Егор же сказал, что это ты, Володя, ему машину переделал. Я думала...

– Это я пошутил, – быстро признался Егор. – Шутки у меня такие. Володя не переделывал машину. Тут какая-то загадка, в которой мы никак не можем разобраться.

– Вот именно, – подтвердил Володька. – Я одного не пойму, старик. Двести пятьдесят километров в час! И я мог бы, понимаешь, мог бы выжать все триста! А то и больше. Это вазовский двигатель. По крайней мере снаружи он вазовский. И я, Владимир Александрович Четвертаков, инженер и не самый последний механик, не понимаю, что нужно было сделать с вазовским двигателем, чтобы он стал способен набрать такую мощность. А подвеска?! Ведь машина себя на этой сумасшедшей скорости вела идеально! Просто идеально! Да я на

такой машине хоть завтра готов выйти на старт ралли «Париж-Дакар» и выиграть его! А тебя, Егорка, штурманом возьму.

– А меня? – чуть кокетливо осведомилась Зоя. Судя по виду, она совсем не обиделась на Егорово враньё.

– О чём шумим, господа?

«Господа» разом обернулись.

На крыльце директорского домика в сильно потёртых джинсах и рубашке с короткими рукавами стоял сам директор музея-заповедника «Танаис» Виктор Фёдорович Черемша.

– Витя! – обрадованно воскликнул Володька (они с Черемшой были почти ровесники и знали друг друга давно) – Здравствуй, дорогой!

– Здравствуй, Володя, – невысокий, худощавый и остроносый Черемша легко сбежал с крыльца и пожал руки Володьке и Егору.

– Здравствуйте, Виктор Фёдорович, – почтительно сказал Егор. Месяц назад он в Танаисе выпил лишку и немного пошумел и теперь опасался реакции директора – Черемша отчего-то не любил пьяных дебошей на вверенной ему территории.

– Здравствуй, Егор. А кто эта прелестная девушка? Кажется, я раньше её тут не встречал.

– Меня зовут Зоя, – сказала Зоя.

– Очень, очень приятно, – разулыбался Черемша, который очень любил знакомиться с молодыми и симпатичными девушками. – А я Виктор Фёдорович Черемша – директор этого города мёртвых. Что это вы на ночь глядя? Или хотите на субботу-воскресенье остаться?

– Да нет, Вить, – сказал Володя. – Так просто заехали по дороге воздухом подышать.

Егор понял, что друг не хочет рассказывать об их приключениях и тоже благообразно промолчал, – он доверял чутью и опыту Четвертакова.

– И хорошо. Что заехали! – воскликнул с энтузиазмом Черемша. – Тут одно дело... А чего это мы стоим? – вдруг удивился он самому себе. – Пошли в дом!

В доме Виктор Фёдорович быстренько организовал чай, до которого, впрочем, как и все обитатели Танаиса, был большой охотник, и приступил к делу.

– Выручай, Володя, – сразу взял он быка за рога и звучно отхлебнул из чашки.

– А что случилось?

– Ты понимаешь, пару дней назад заехал к нам один француз на мотоцикле...

Из истории, рассказанной Виктором Фёдоровичем Черемшой, выходило следующее. Молодой француз по имени Симон жил себе в городе Париже и служил мелким клерком в каком-то банке. И вот в один прекрасный день, когда в Париже зацвели каштаны, он ни с того ни с сего уволился с работы, купил мотоцикл «Ямаха», запер квартиру и отправился на этом самом мотоцикле через пол-Европы в Россию. Захотелось ему, понимаешь, своими глазами посмотреть на загадочную и удивительную страну, о которой он столько всякого разного слышал. Причём, так как почти все сбережения француз ушли на приобретение мотоцикла, то в Россию он въехал с очень ограниченной суммой денег...

– Он что, на «Ямахе» всю Россию пресечь собрался? – приподнял густые брови Четвертаков.

– Нет, хотел, говорит, до Волгограда доехать. Он, конечно, псих, но не настолько, чтобы рассчитывать добраться по нашим дорогам на этой японской штуке до, скажем, Новосибирска, не говоря уже о Владивостоке.

– Так, так, – покивал головой Володя, – Забавно. И что дальше?

– А что дальше... Известно, что. Всех сумасшедших какой-то незримой силой непременно тянет в Танаис. Вот и этого притянуло. А «Ямаха» возьми и сломайся. Что-то с цилиндрами, по-моему. А денег на запчасти у него нет и русского он практически не знает. – Черемша помолчал, прихлёбывая чаёк и хитровато поглядывая на Четвертакова. – Ты же у нас извест-

ный механик. Помоги, а? ради дружбы народов. А то он тут до осени застрянет, сам же знаешь, как в Танаисе это бывает. А у меня экспедиция скоро.

– Вот блин с горохом! – восхитился Володька. – Удивляюсь я с этой молодёжи! Без денег и языка на «Ямахе» через всю Россию... Авантюристы, блин! Впрочем, я и сам такой был. Да и сейчас, пожалуй... Ладно, показывай, где этот французский орёл с японским аппаратом.

– Пошли! – обрадовался Виктор Фёдорович. – Пошли. Я вас познакомлю! Только вот ума не приложу, как тебе с ним разговаривать. Он не только русского, он и английского-то толком не знает. Прямо тундра какая-то. Даром, что француз!

– Я немного знаю французский, – сказала Зоя.

– Замечательно! – энтузиазм директора музея-заповедника был воистину неисчерпаем. – Пошли!

И они пошли.

Сумасшедшего француза разместили в Башне поэтов – уменьшенной копии танаисской сторожевой башни, которую лет пятнадцать назад построили всем миром, и в которой часто и подолгу жили некоторые ростовские и прочие поэты, из-за чего Башня и получила такое название.

Симон оказался молодым чернявым пареньком, чем-то смахивающим на лицо кавказской национальности.

– На грузина похож, – заметил Четвертаков, здороваясь с французом, – У нас в институтской команде был, помнится, такой Нукри Герсамия – просто копия Симон!

– Гасконец, наверное, – предположил Егор. – Гасконцы – это те же баски, а баски, вроде, давным-давно когда-то из древней Грузии вышли, – и, обращаясь к Симону, прямо спросил. – Гасконь?

Зоя, как смогла, перевела, и Симон затараторил в ответ, вставляя невпопад немногие известные ему русские слова. И тут

Егор вдруг осознал, что кое-что понимает!

Да, говорил Симон, его предки были гасконцы. Россия прекрасная и огромная страна. Добрые отзывчивые люди. Кормили. Помогали. Поили. Много поили. Расскажу во Франции всем друзьям и знакомым. Не могу дальше ехать. Мотоцикл. Мало денег.

– Не дрейфь, – махнул рукой Володька, – починим мы твой мотоцикл... – и замер с открытым ртом.

– Что, – спросил Егор тихонько, – ты тоже понял, что он сказал?

– Не всё, – хрипло и тоже тихо ответил Четвертаков, – но главное, по-моему, понял.

– А говорили, что французского не знаете, – обиженно заметила Зоя.

– Говорить не можем, – быстро пришёл в себя Егор, – а понимать, оказывается, немного понимаем.

Мотоцикл содержался в гараже музея-заповедника, и там, при ярком электрическом свете, Володька наскоро осмотрел японское чудо техники.

– Всё ясно. Цилиндр пробило, – поставил он диагноз, – Надо менять.

– И как? – спросил непосредственно заинтересованный в этом деле Черемша.

– В понедельник привезёшь мне его на работу. Я имею в виду мотоцикл, а не француза. Что-нибудь придумаю. Автобус-то твой на ходу?

Виктор Фёдорович уверил, что автобус на ходу и в понедельник он обязательно «Ямаху» привезёт.

– Ну хорошо, – сказал Володька, – Денька за два-три починим.

Пока цилиндр найдём, пока то да сё... Выдержит твой француз ещё несколько дней?

Симон непонимающе переводил взгляд с Черемши на Четвертакова и обратно. Зоя сожалела и коротко перевела. Симон заулыбался и активно закивал головой – выдержу, мол, не сомневайтесь!

– Куда он денется, – мрачновато усмехнулся Виктор Фёдорович. – Девки мои его тут кормят как на убой, а поэты и художники поят...

– Как на упой, – подсказал Егор.

Зоя засмеялась.

– Вот именно, что на упой, – подтвердил Черемша. – Не жизнь, в общем, а рай земной, можно сказать. Мне бы так.

– Мы уже, Витя, с тобой не в том возрасте, чтобы такой жизнью жить, – обнимая Черемшу за плечи, сказал Володя. – Мы люди взрослые, степенные и на нас, следовательно, лежит ответственность.

– Кому ты это говоришь! – вздохнул директор музея-заповедника. – Но ведь хочется!

– Ну, может, когда-нибудь... Ладно, Как починю – позвоню. Приедешь и заберёшь, или я сам на нём приеду. Решим, в общем. Добро?

– Добро.

Присутствующие пожали друг другу руки, и Егор с Володей засобирались домой.

– А то оставайтесь до завтра, – предложил Черемша. – Поужинаем, водки выпьем...

Предложение было заманчивым, но выяснилось, что остаться никто не может. Егору нужно было готовиться к завтрашнему дню рождения, Володю ждала жена Надя, а Зою – мама.

Из Танаиса выезжали уже в полной темноте. Радио не включали. Молчали.

– Тебе куда в городе, Зоя? – спросил Егор.

– На шестнадцатую линию.

– Хорошо. Отвезём Володю, потом тебя.

До города доехали быстро. Вражеский «мерседес» так и не объявился, и Егор вздохнул с облегчением, когда машина углубилась в городские улицы.

– Может, заедешь ко мне, когда Зоя отвезёшь? – предложил Володька. – Поужинаем, обсудим кое-что...

– Спасибо, Володя, – отказался Егор. – Устал я что-то. Башка не работает. Слишком много всего свалилось и сразу. Вот выплусь как следует...

– Да, – согласился Четвертак. – Утро вечера почти всегда мудренее. Ну, до завтра?

– До завтра. Вечером жду.

– Само собой. Но если что новое интересное случится, держи меня в курсе. Ладно?

– Ладно. Наде привет.

– Загадочный вы ребята, – сказала Зоя, когда они отъехали от Володиного дома.

– Не всегда, – успокоил её Егор. – Только изредка. Тебе просто повезло и ты попала на такой период нашей жизни. – он подумал и неуверенно добавил. – Или не повезло.

Уже загнав машину во двор собственного дома, Егор ещё долго сидел за рулём, не выключая двигатель и слушал радио, настроенное на всё ту же французскую волну. Он курил, тихонько балдел от того, что всё лучше понимает французскую речь и отрешённо следил за датчиком уровня топлива, стрелка которого показывала, что бензина он истратил за сегодняшний день от силы литров пять.

Глава седьмая

Утро субботы выдалось ветреным, но солнечным. Егор проснулся от голода и шума ветра в деревьях за окном. Вспомнил, что у него сегодня День рождения и обрадовался – ему было, на что устроить праздник.

И Зоя обещала прийти!

Некоторое время он лежал с открытыми глазами и вспоминал Зою. Вспоминать, правда, было особенно нечего, поэтому имеющиеся в наличии картинки он прокрутил в голове несколько раз, после чего мысли сами собой перескочили на автомобиль.

Да. Автомобиль. Машина. Папины «жигули». ВАЗ-2101 образца 1974 года Старая-пре-старая «копейка». Ни о каком подарке и уж тем более доброй шутке друзей, разумеется, не может быть и речи. Никто не в состоянии сделать подобный подарок. Во всяком случае, никто из его друзей. Тут произошло что-то необычное, что-то, что находится за гранью повседневного здравого смысла.

Или всё-таки нет?

Может быть какая-нибудь сверхсекретная научная лаборатория ФСБ (или как их там теперь кличут)? Собрали опытный образец и теперь на нём испытывают? Бред, конечно, но с них станется. Непонятно только почему именно на нём. А для чистоты эксперимента! Берём, так сказать, среднестатистического русского художника-алкоголика и смотрим, можно ли с помощью современных достижений науки и техники превратить его обратно в порядочного человека, полезного обществу и себе самому. А что? при таком количестве алкоголиков в стране, которое существует на сегодняшний день, подобный опыт был бы очень и очень своевременным. А меня взяли потому, что я не совсем тупой. На рабочем-то классе и люмпенах, видать, крест поставили... Бред. Причём тогда французский? А всё при том же. Для более полного формирования личности и полнейшего раскрытия её способностей. И хотя это уже бред времён социализма, но...

Егор от волнения совсем проснулся, приподнялся на локте и с уважением посмотрел в сторону, в которой, по его мнению, в городе находилось здание областной ФСБ.

Чёрт возьми! А ведь вполне возможно! Страна на грани демографической и генетической катастрофы. У нас ведь всегда так – пока гром не грянет... И всегда находилась пара-тройка гениев, которые вовремя что-нибудь эдакое изобретали. Страна алкоголиков и гениев, блин. Гениев-алкоголиков и алкоголиков-гениев...

Егор сел на постели и обхватил колени руками.

Ёлки мохнатые, и ведь, как назло, нет ни одного знакомого из этой уважаемой конторы. Да если бы и были такие знакомые, неужто бы не признались в эксперименте? Да ни в жизнь! Нет, тут другим путём надо идти. Наверняка он в России не один такой. Может, в Ростове и один, конечно, но в той же Москве наверняка есть парочка таких же опытных кроликов.

При мысли о кроликах ему стало обидно.

Вот же, блин, гады всё-таки! Привыкли, понимаешь, старыми проверенными методами пользоваться. Исподтишка и тайно. Нет, чтобы честно всё ему рассказать – неужто бы он не понял? А может, так и надо? Может, в этом как раз и есть смысл эксперимента? Всё равно обидно. Он, как-никак, свободный человек... Брось. Какой ты, на хер, свободный? Хоть самому себе не ври. И никогда ты свободным не был. При Советской власти понятно почему, а теперь... Тебе дали свободу, но ты пока не сумел ею воспользоваться. Вся твоя свобода последнее время заключалась на дне пивной бутылки. А теперь тебе дали шанс. Шанс, ты понял? В тебя поверили и решили тебе помочь! Кончай, в натуре. Когда это ФСБ кому помогало? Топили – это да, было и неоднократно, а вот насчёт бескорыстной помощи... А им приказали. И кто

это, интересно? А президент приказал. Наш любимый президент вмиг провёл эксперимент. Ха-ха. Он ведь и сам оттуда, из органов. Нельзя во всём, во всех и всегда видеть только плохое. Можно. Нас этому крепко научила родная Коммунистическая Партия Советского Союза. Не всё же там такие... Все! А ты откуда знаешь? Ты же сам говоришь, что ни с кем из этой гнилой братии ни разу в жизни не общал... Стоп! А этот... как его... Григорий... Григорий Константинович, вот! Надо же, помню... Майор! Может, он чего знает? Только где его теперь...

Егор вскочил с постели и принялся лихорадочно одеваться.

... Плотный завтрак из двух яиц всмятку и кофе с бутербродами несколько успокоил Егора Хорунжего. Он вышел на крыльцо, сел, закурил и, разглядывая свой новенький, с иголочки, автомобиль, принялся размеренно размышлять, сам удивляясь собственному благоразумию.

Не пори горячку, Егор Петрович, сказал он себе. Во-первых, у тебя сегодня День рождения, к которому нужно подготовиться, а во-вторых, всё равно не пори горячку. Всё это пока одни предположения, а настоящей информации маловато. Опять же, если это штучки ФСБ, то неплохо будет посоветоваться с Володькой, потому что друг мудр и плохих советов не даёт по определению. И вообще. Ну найдёт он, допустим, этого самого Григория Константиновича, и что дальше? Во-первых, вполне может оказаться, что тот давно уже не служит и тогда к нему не имеет смысла и обращаться. А если служит? Тогда, может, и стоит, но только в том случае, если все эти дела с машиной действительно идут от ФСБ. Потому что, если это не они, то эдак можно и машины лишиться – отнимут для нужд государства и будь здоров. А как узнаешь? М-да, тут надо крепко подумать...

Егор стал вспоминать майора КГБ Григория Константиновича.

Фамилии его он не знал ни тогда, 12 лет назад, ни, тем более, сейчас. Знал только, что тот был майором КГБ и курировал большую группу молодых и талантливых поэтов, бардов, писателей и художников, в которую входил и Егор. Славное было времечко! Конец 80-х, КПСС и Советская власть на последнем издыхании, и даже КГБ уже не кажется таким страшным, как прежде. И столько надежд впереди! Всё обернулось гораздо прагматичней и скучнее. Власть ненавистной идеологии сменила власть не менее ненавистных грязных денег, которые большей частью оказались в руках всё тех же бывших идеологов. А они, подающие надежды поэты, писатели и художники... Кто-то спился, кто-то умер, кто-то уехал в Москву, в то и вовсе за границу, кто-то ушёл в бизнес и даже, говорят, разбогател. Некоторые, как он, например, застыли в своём развитии, то есть, даже не застыли, а просто потихоньку, как художники, умирали. И буквально единицы продолжали жить, бороться и созидать. А если и не созидать в полном смысле этого слова, то хотя бы полноценно и профессионально работать. Например, поэт и бард Игорь Чуйков. Кстати, подумал Егор, давненько я что-то Игорька не видел. Неплохо бы его на День рождения пригласить да только где ж его найдёшь! Он сам тебя находит, если надо. Да и в городе его вообще может не быть. А ведь он, помнится, привлекал тогда особое внимание КГБ, как наиболее талантливый и независимый из них и, если бы не развал КПСС и Советского Союза, отправился бы в психушку или тюрьму первым номером.

Егор вспомнил гневные навывкате глаза Чуйкова и его звенящий от еле сдерживаемой ярости крик в телефонную трубку в начале второго ночи: «Я русский поэт и бард Игорь Чуйков! И я не позволю! Слышите?! Никому не позволю делать из меня врага народа! Даже вам и вашему КГБ, Григорий Константинович!»

Да, может, Игорь и знает чего о майоре. Хотя вряд ли. Он и тогда, при Советской власти, не очень-то интересовал барда как личность, а уж теперь... Но увидеть Игорька было бы всё-таки неплохо.

Ладно, хватит ходить по кругу. Пора бы и делом заняться. До обеда вполне успею срубить немного «капусты». Раз уж пошёл такой фарт...

На этот раз он поймал по радио англоязычную волну.

К двум часам Егор Хорунжий вернулся домой с деньгами, продуктами и выпивкой. Не успел разгрузить салон машины от пакетов, как в калитку позвонили. Это кума, подумал он и пошёл открывать. Это действительно оказалась кума Татьяна (Егор был крёстным отцом её сына), с которой он договорился накануне о чисто женской помощи в подготовке деньгожденного стола.

– Привет имениннику! Поздравляю! – ладненькая, аккуратная и невысокая Татьяна, поднявшись на цыпочки, чмокнула Егора в щёку, сунула в руки коробку с подарком и прошествовала во двор.

– Как всегда бардак, – критически констатировала она, оглядевшись. – Впрочем, сам выглядишь неплохо. Помолодел как-то. Посвежел.

– Спасибо, мне уже говорили.

– Кто это, интересно? О, а это что?! – круглыми глазами Танька уставилась на Егорову «копейку». – Новая машина?!

– Та же самая, Танюша.

– Ну, ты даёшь! – кума восхищённо всплеснула руками. – Молодец! Неужели начинаешь становиться человеком? Аж не верится.

С появлением кумы работа зашпорилась, так что когда начали подходить первые гости, всё было уже практически готово.

Давненько Егор не ощущал себя так хорошо. Последние пару лет любой праздник быстро превращался для него в тяжкое мутное опьянение с убийственным похмельем наутро и последующим трёх-пятидневным запоем. Выпивка перестала приносить радость и стала какой-то невыносимо тоскливой необходимостью.

Но сегодня всё было по-другому.

Всё было так, как много лет назад, когда Егор был молод, и перед ним во всей красе лежал громадный и непознанный мир. Водка пила легко, еда была вкусной, обильной и необременительной для желудка, а гости – весёлыми и любимейшими людьми. Ну а когда в семь часов десять минут пришла Зоя, Егор понял, что День рождения действительно получился.

– Ну, что нового, – улучив минуту, когда Егор менял кассету в магнитофоне, подошёл к нему Володька. – Как наша «копеечка»?

– Вообще-то это моя «копеечка», – ревниво ответил Егор.

– Ах ты жмот несчастный! – как бы в шутку возмутился Четвертаков. – Как засверкала, так сразу «моя», а как разваливалась на части, так «Володя, почини, пожалуйста»!

– Да ладно тебе... – смутился Егор. – Я... это... улучшил сегодня значительно свои знания английского. Два часа всего поездил и всё уже почти понимаю. Клёво, да?

– Да уж. А вот у меня после вчерашнего дня совершенно прошёл мой гастрит. Как рукой... Представляешь?

– Может, просто время пришло? – предположил Егор. – У тебя он обычно в марте-апреле обостряется, а сейчас уже май.

– В этом году проснулся с опозданием, – объяснил Володька. – Я всю последнюю неделю по два-три пакетика «маолокса» в день глотал, как минимум. А сегодня встал с постели... словно десять лет скинул, честное слово! И спал хорошо. Давно я так хорошо не спал. Хотя всё это можно объяснить и, так сказать, естественными причинами. Ладно, давай-ка лучше выпьем, дружище, за твоё здоровье. Хорошо сегодня у тебя, правильно как-то.

Они выпили коньяку, и Егор поведал другу свою теорию насчёт участия в деле с машиной ФСБ.

Володька терпеливо, но снисходительно выслушал и авторитетно заявил:

– Не верю. Знаю я эту контору. Они по определению ни на что хорошее для человека не способны. Да и не в этом, вообще-то, суть. На самом деле я не верю, что кто-то смог собрать такую машину. Которой практически не нужен бензин. Которая полностью отталкивает от себя

пыль и грязь. Которая между делом учит языкам, а заодно, возможно, и лечит. А может и ещё что умеет, о чём мы пока и не догадываемся.

– И что же тогда такое стоит у меня сейчас во дворе? – осведомился Егор, несколько обиженный тем, что друг с порога отверг его, как ему казалось, довольно правдоподобное предположение.

– А хрен его знает! – с беспечностью хорошо выпившего человека развёл своими золотыми руками Володька. – Чудо природы, старик! Баальбекская веранда отдыхает вместо с улётшимся на неё снежным человеком... О! – он с размаху хлопнул себя по лбу.

– Ты чего? – с надеждой спросил Егор.

– Так вон же Лёнька Назарчук сидит! Попроси его осторожноенько – пусть наведёт справки среди своих колдунов, экстрасенсов и прочих контактёров. Может, у них есть сведения о чём-то подобном?

Егор посмотрел в сторону стола. Упомянутый Лёнька Назарчук, полноватый и уже начавший лысеть со лба молодой человек и редактор местной эзотерическо-фантастическо-скандально-жёлтой газеты «Открой!», осторожно держа в левой руке полную рюмку с водкой и отчаянно жестикулируя правой, пытался повесить на очаровательные ушки Зои какую-то свою очередную фантастическую лапшу. Судя по скучающему виду девушки, лапша вешалась плохо.

– Растрезвонит, – убеждённо заключил Егор. – Ему только дай этот... как его... информационный повод.

– М-м... пожалуй, – согласился Володька. – Ладно, сделаем так. Я сам с ним поговорю. Он ведь знает, что я с автомобилями напрямую связан. Скажу, что, мол, в среде автолюбителей появился такой слушок о необычной машине с фантастическими возможностями. А если пристанет, где да откуда, скажу, что сам точно не знаю, поэтому к нему и обращаюсь. Пусть гордится собственной значимостью.

– Он и так ею гордится, – усмехнулся Егор.

– Значит, пусть ещё больше гордится. А ты, давай, Зоенькой вплотную займись, а то, гляди, другие займутся.

– Другие это кто? Уж не ты ли? – с шутивным подозрением осведомился Егор.

– Да я бы и рад, – вздохнул Володька, – но уж больно мне моя жена нравится.

Расходились гости далеко за полночь. С Назарчуком Володьке в этот раз поговорить не удалось, – холостяк-редактор, отвергнутый прекрасной и неприступной Зоей, с горя быстро надрался, что называется, до положения риз, и ещё в одиннадцать часов был положен в такси и отправлен домой.

Егор тоже выпил довольно много, но пьяным себя не чувствовал: весь праздничный вечер он менял гостям тарелки и пепельницы, шутил, смеялся, охотно поддерживал любую беседу, вовремя подносил дамам зажигалку, танцевал и даже пытался петь под гитару, что случалось с ним крайне редко по причине полнейшего отсутствия музыкального слуха.

Ещё он ухаживал за Зоей. То есть, не то, чтобы особенно ухаживал, но уделял ей, скажем так, повышенное внимание. Во-первых, потому что ждал сегодня эту девушку и обрадовался, когда она пришла, а во-вторых, ему хотелось, чтобы Зоя понравилась не только ему и Володьке, но и всем остальным.

Однако оставаться на ночь Зоя отказалась решительно.

– Это было бы слишком просто, Егорушка, – ласково усмехнулась она, когда он с прямотой русского художника-керамиста предложил ей этот вариант. – Проводи меня лучше до такси.

– Какое такси! – возмутился именинник, обрадованный, что не получил по морде. – Я сам тебя отвезу!

– Ты же прилично выпил!

– Ну и что? Я выпивший, чтоб ты знала, вожу гораздо лучше, чем трезвый. А если учесть, что сейчас ночь, и машин на улицах практически не осталось, то тебе, то есть, нам вообще не о чём беспокоиться. Доставлю в лучшем виде.

Видимо от того, что этим вечером Зоя тоже пила не только чай и апельсиновый сок, а может быть из-за свойственной молодости беспечности она поддалась на уговоры и села в машину.

До Зоино дома добралась без приключений, и Егору даже удалось сорвать на прощанье с прелестных губ один, но очень сладкий поцелуй. Но когда он, проследив как девушка скрылась в подъезде, отъехал на пару сотен метров, пришлось остановиться.

Так бывает. Человек веселиться весь вечер, не считает выпитых рюмок и чувствует себя превосходно, но потом вдруг, скачком, пьянеет. И вот уже перед глазами всё плывёт и качается, в голове мутятся и путаются мысли, а тело неадекватно реагирует на приказы мозга.

Фу ты, чёрт!

Егор приткнулся к обочине в тёмном переулке, потянул вверх ручной тормоз и выключил фары.

Надо немного посидеть и прийти в себя. Что это меня так вдруг растащило, интересно... Всё ж было замечательно. Ф-фу, блин с горохом, голова-то как кружится... Ничего, сейчас чуточку посидим, отдохнём и всё пройдёт. А потом потихоньку-потихоньку...

Проснулся Егор от холода. Он открыл глаза и увидел, во-первых, что уже утро, а во-вторых, что он сидит за рулём своей машины, которая, в свою очередь, мирно стоит перед воротами его дома с выключенным двигателем.

– Вот те на! – вслух сказал Егор и вылез наружу.

Утро только что родилось и было оно, как и любое другое утро на земле, прекрасным и удивительным.

Егору Хорунжему, однако, было не до красот. С одной стороны он всё ещё очень хотел спать, с другой сильно замёрз, а с третьей не мог понять каким образом он вместе с автомобилем оказался возле дома.

Я прекрасно помню, как остановился в переулке, соображал Егор, открывая ворота и загоняя машину внутрь, остановился отдохнуть, потому что внезапно опьянел и ехать в таком состоянии дальше не мог. Блин с горохом! Не мог же я, в самом деле, на полном автопилоте доехать до дома и вырубиться! Или мог? Вообще-то однажды, помнится, подобный случай был в моей биографии. Это когда мы сдали все три этажа в профилактории завода «Красный Аксай». Тогда я тоже не помнил, как доехал до дома. Но с другой стороны, тогда я вообще не помнил, что со мной происходило на протяжении часов, наверное, четырёх. Оно и понятно – организм был сильно подорван сумасшедшей работой на протяжении двух месяцев. Ведь не спали почти тогда и ели в основном колбасу, хлеб и портвейн «Молдавский», а тут... Я же всё помню! Ну, допустим, вырубился я в машине... То есть, получается, что я сначала вырубился, а уж потом, не приходя, так сказать в сознание, доехал до дома. Интересное кино.

Уже поднявшись на крыльцо, и открыв дверь, он обернулся и окинул сверкающий новенькой краской автомобиль подозрительным взглядом. «Жигулёнок», скромно потупив фары, стоял посреди двора с самым невинным видом. Егор тряхнул головой, прогоняя навязчивое, и решительно открыл дверь. Спать. Сначала спать, а уж всё остальное – потом.

Согревшись под тёплым одеялом и проваливаясь в сладкий утренний сон, Егор услышал, как где-то коротко рассмеялась женщина и приятным голосом вразбивку сказала: «Е-гор».

Глюк, последним обрывком сознания сообразил он и потерял связь с реальностью.

Глава восьмая

Чёрный «мерседес» подрезал машину Егора Хорунжего в понедельник на улице Красных Зорь в двенадцать часов двадцать пять минут среди бела дня.

Место было крайне неудобное для манёвра.

То есть, место было такое, что никакой манёвр в сложившейся ситуации был вообще неосуществим.

«Мерседес» полностью перегородил проезжую часть. Оставалась возможность объехать его справа по тротуару, но для этого нужно было сдать назад, где вплотную к Егору уже встала красная «ауди».

И монтировка, блядь, в багажнике, только и успел подумать Егор, как из машин полезли молодые откормленные представители мужского пола рода человеческого с лицами отнюдь не отмеченными печатью интеллекта.

Одного Егор узнал сразу – тот самый, который гнался в пятницу за Зоей, а потом и за ними. Собственно, и чёрный «мерс» он тоже сразу узнал, но всё таки шевелилась мыслишка, что вдруг это не тот, и он ошибся... Напрасно шевелилась.

Теперь, видимо, по случаю жаркого майского дня несостоявшийся Зоин ухажёр обрядился в жёлтые пляжные шорты ниже колен и цветастую шёлковую рубашу с короткими рукавами. Узкие солнцезащитные очки и толстая золотая цепь на шее с массивным золотым же (дань старой традиции) крестом на шее вполне гармонично дополняли прикид.

Егор вздохнул и обречённо вылез из машины.

Шестеро неторопливо взяли его в полукруг.

– Ну что, козёл? – снимая очки, ласково спросил «цветастый». – Допрыгался?

У него оказались маленькие, глубоко посаженные глаза неопределённого цвета и почти без ресниц.

Прямо не человек, а карикатура какая-то, подумал Егор, причём карикатура плохая. Ему совершенно не к месту и не ко времени стало смешно и он не удержал улыбку.

– Глянь, он ещё и лыбится! – изумился один из дружков «цветастого». – Ну, падла...

– Не пыли, – остановил его «цветастый», – Я сам разберусь. Вот что, козлик, – обратился он к Егору. – Ты мне дорожку перешёл, а за это люди платят. Ты понял?

– Не понял, – честно признался Егор.

– Уж больно тачка у тебя клёвая, – нехорошо улыбаясь, объяснил «цветастый». – Надо же, от моего «мерса» на трассе ушла! Видать, большой специалист переделывал... Ну так вот. Я о тебе кое-какие справки навёл. Фраерок ты небогатый, и взять с тебя нечего. Кроме тачки. Ну и дома твоего, конечно. Развалюха твоя мне и на хер не нужна, а вот тачка... Тачка дело другое. Люблю я, понимаешь, хорошие тачки. Значит, будет так: ты нам свой супержигуль, а мы тебе – здоровье,

– Это в каком смысле?

– Это в таком смысле, что цел останешься, – осклабился «цветастый». – При руках, ногах и прочем.

– А если нет? – поинтересовался Егор.

– Ну, тогда тебе ни тачки не видать, ни здоровья, – погрустнел «цветастый» и неожиданно захохотал во всю пасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.